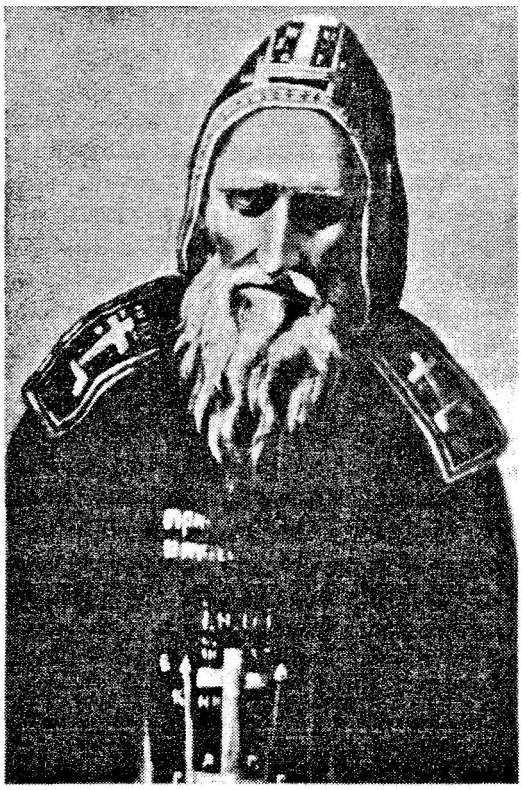
СХИМОНАХ АРХИПП (ШЕСТАКОВ) († 1896)



Великая польза и утешение рассказывающему
житие святого мужа.

Епифаний Премудрый

Слава и честь и мир всякому делающему благое.

Рим. 2, 10.

Когда пересказываем жития

прославившихся благочестием,

то прежде всего Владыку прославляем

в рабах Его.

Св. Василий Великий

I

Читая жития угодников Божиих, мы невольно сознаем великую разницу между ними и нами. Но она не должна приводить нас к ложному выводу, будто теперь не те времена, не те люди и нам невозможно угодить Богу. Таким выводом оправдываются неревнующие о своем спасении, а хотящих спастись не устрашит самая великая противоположность их жизни с жизнью святых.

Напротив того, она вызовет у них сокрушение духа и молитву ко Господу и святым Его о даровании боле крепкой веры, большей преданности в волю Божию и недвоящегося упования на Промысел Всемогущего, чтобы и они слабые, при содействующей благодати Божией по силе своей могли ревновать житию святых. Ведь и святые некогда были похожи страстями на нас, также обложены плотью; однако силой воли, любовью к Богу и желанием себе спасения, превозмогли все. Бог силен и невозможное сделать возможным.

Он всем хочет спасения и только ожидает с нашей стороны желания, понуждения себя; благодать Его всегда готова нам в помощь. Все это можно видеть из предлагаемого жизнеописания отца Архиппа, еще так недавно бывшего среди живых и на себе показавшего, что при усердии ко благочестию и в настоящее время возможно достигнуть всех даров божественной благодати.

II

Схимонах Архипп в жизни своей действительно был светочем веры, какая была у древних подвижников. Так о нем говорили сподвижники, близко знавшие почившего старца (Составитель этого очерка лично знал старца 8 лет, постоянно видел его в храме, часто посещал в келлии, пользовался его любовью и советами, любил слушать его рассказы, по молитве о. Архиппа получил два раза исцеление от болезни; в отношении себя многократно убедился в даре прозрения подвижника, находился при его кончине, погребении и поминовениях. Он много лет собирал сведения об о. Архиппе от его учеников, сподвижников и посторонних и своевременно все записывал. Жизнеописание

сие составлено на основании тех записей и личных его наблюдений и по составлении проверено близко знавшим блаженного старца).

Господь, знающий несодеянное, предвидел в нем особые веру и любовь и еще в рождении отличил его некоторой особенностью, которая заставила мать младенца сказать: "В жизни его (новорожденного) должно быть что-либо особенное".

При святом крещении отец Архипп наречен был Афанасием. Родиной его была пригородная слобода Ездоцкая Старооскольского уезда Курской губернии. В родной купеческой семье его называли "Афоней". Восьми лет Афоня велел отцу своему подождать продавать хлеб. Тот послушался и имел хорошую прибыль. С тех пор слова Афони в делах торговли исполнялись; не послушают — прогадают. Но помогая советом, сам он в торговле приносил только убыток: часто, оставшись один в лавке, он отпускал бедным товар без денег; жизнью своей он выделялся и в семье: хорошо не одевался, чай пил без сахара, деньги ненавидел и называл их железом, удовольствий не любил, спал без подушки, любил храм Божий и уединение. За такую жизнь немало нес оскорблений.

За три года до поступления в монастырь Афанасий перестал кушать скоромное, отрастил волосы и вообще показывал склонность к монашеству. Однажды он тайно ушел в Киев. На третий день его догнали, побили и насильно возвратили домой. Мирская жизнь ему была не мила. "Целый год меня били", — говорил сам старец (Желали, чтобы он оставил свой странный образ жизни), — и наконец сказали, толку из меня не будет".

Чтобы вынудить согласие родных на увольнение в монастырь, Афанасий четыре дня скрывался в погребе своего родственника. Старший брат искал его. "Дашь Афоне бумагу, скажу, где он", — говорил родственник. Согласие было дано, Афанасий вышел из своего заключения. На этот раз его уже не задерживали (О жизни почившего старца до поступления в монастырь сообщил в письме о. настоятелю Глинской пустыни родной племянник о. Архиппа).

III

Так подготовленный скорбной жизнью к иночеству, 27-летний Афанасий Шестаков в 1852 году пришел в гостиницу Глинской пустыни с намерением поступить в монахи. Оттуда его вместе с несколькими другими богомольцами послали помогать на пекарню. Окончив дело, все разошлись, остался один он. "Отчего ты не идешь?" — спрашивают его. "Куда я пойду, — ответил незнакомец, — я пришел в монастырь". — "Иди к игумену", — говорят ему. "Нет, я сюда пришел служить Богу". С тех пор он остался на пекарне и исполнял самые трудные работы. Обязанностью Афанасия обыкновенно было выкладывать из дежи тесто для хлебов. Обладая большой силой, он сразу вынимал сколько требовалось теста в форму (В то время хлебы были весом в 1,5 пуда и другие послушники накладывали тесто в форму за несколько раз).

В какое бы время не позвали Афанасия и где бы он ни находился, хотя бы и в храме, он без рассуждения немедленно бежал на пекарню для исполнения послушания. Вне храма и послушания Афанасий оставался на пекарне и читал Псалтирь, которую всегда носил с собой. Случится какое дело, его сейчас же заставляют делать. Однажды старший на пекарне спросил у него про одного брата, ушедшего от дела; Афанасий, лежа на скамейке, сказал: "Знайка лежит, а незнайка бежит", и его, как знайку, заставили работать. Афанасий рад был делать "за послушание", т.е. не самовольно, а что приказывали. Работая за себя и за других, он исполнял заповедь любви к Богу и ближнему, утруждал плоть свою, укреплялся в подвигах и становился бодрее духом. На послушание и на услугу ближнему во имя любви он смотрел как на заработок вечных благ. Не он делал одолжение своим трудом, а ему делали одолжение, когда заставляли трудиться. Это самый правильный взгляд на святое послушание.

Молча делая свое дело, смиряясь и подвергаясь уничижению, брат Афанасий мало обращал на себя внимания, а если и обращал, то как юродивый. Потому он пострижен был в

мантию на 18-м году по поступлении в Глинскую пустынь, причем наречен был Архиппом.

По терпению своему о. Архипп выделялся от многих. Об этом свидетельствует даже одно то, что на послушании в пекарне он пробыл 33 года подряд. Ему несколько раз предлагали быть старшим, но любитель смирения предпочитал лучше подчиняться, чем повелевать. "Я ничего не смыслю, простите меня неразумного, — говорил он, падая в ноги, — назначьте другого". Десятками лет позже его поступившие рясофорные послушники были старшими, а он, мантийный монах, покорно повиновался им, оставаясь младшим. Лишь с принятием схимы в 1885 году он освобожден был от этого послушания и стал читать только Псалтирь по благодетелям. Чтение Псалтири по очереди он нес с 1874 года. Но и после увольнения из пекарни о. Архипп не переставал добровольно трудиться на прежнем послушании; нередко его можно было видеть ночью месящим хлебы вместе с послушниками. Когда некем было заменить отсутствующего брата, просили о. Архиппа; он беспрекословно шел на послушание в пекарню. Отец Иосиф, старший на пекарне, говорил нам: "Однажды некому было выкладывать хлеб из дежи. Пошел я к о. Архиппу" и говорю ему: "Батюшка, некому хлеб выкладывать". Старец вскочил и побежал в пекарню, засучил рукава и начал выкладывать тесто с особенным усердием и силой. Все ему удивились. Окончив трудную работу, молча отдохнул и пошел в свою келлию.

В 1890 году о. Архиппа, как высокого подвижника, назначили в ближний скит для принятия посетителей, ищущих духовного совета. Для строгого аскета такое послушание было весьма тягостно, но он, привыкший во всем повиноваться, не прекословил. В скором времени о. Архиппа перевели на дальнюю монастырскую пасеку, место пустынных подвигов схиархимандрита Илиодора. Там не было храма. Отцу Архиппу, привыкшему к церковным богослужениям, это было великим испытанием. Он искал также уединения, но не нашел: то братия, то посторонние приходили за советом. Отсюда о. Архипп снова переселился в ближний скит, а через два года опять в пустыньку схиархимандрита Илиодора, где был уже выстроен храм, и начал основываться Спасо-Илиодоровский (дальний) скит. Под руководством о. Архиппа и началась скитская жизнь Глинских иноков, потом был назначен скитоначальник — иеромонах. До января 1896 года о. Архипп оставался в скиту на покое, по болезни и старости, продолжая всегда быть примером послушания, смирения и терпения. Слово "покой" здесь разумеется только в том смысле, что старец не нес обычного монастырского послушания, но не переставал трудиться в подвигах, добродетелях и приеме посетителей. Тогда многим стал известным его дар прозрения и сила молитв.

По благословению отца настоятеля старца просили в монастырскую гостиницу и возили на монастырские хутора; он повиновался как дитя, готовый на всякое послушание. Даже видя явную опасность для своей жизни, о. Архипп не отрекался быть исполнителем воли начальников. За два года до смерти он был очень слаб. Отец настоятель думал, что ему лучше будет, когда провезет его по свежему воздуху. С этой целью он предложил о. Архиппу ехать с ним в г. Путивль. Отец Архипп не противоречил. Прощаясь с келейником, он сказал: "Может не увидимся". Поехали. На поворотах дорог лошади пять раз сами собой сворачивали назад, точно им кто заграждал дорогу. Кучер с большим усилием направлял лошадей на дорогу; проехав немного, лошади снова сворачивали. Усматривая в этом волю Божию, препятствующую поездке, отец игумен приказал вернуться в обитель. Там старец сказал настоятелю: "Ты бы меня не привез обратно живого". После этого отец Архипп в потоке слез излил Богу благодарную молитву. Был и другой случай, когда подвижник с явным вредом для своего здоровья, исполнил послушание, а неизвестных нам таких случаев может было весьма много.

IV

Вообще у блаженного послушника послушание всегда было на первом плане. Ради его,

он в начале своих подвигов вкушал пищу наравне со всеми; атлетическое его сложение и постоянный нелегкий труд требовали этого, тем более, что страсти у новоначальных умаляются не усиленным постом (иначе послушники не могли бы нести послушания), а исповеданием греховных помыслов, трудами и удалением от свободного обращения с близкими. Блажен отец Архипп, ибо без сожаления отдал себя на труд послушания и избегал свободного обращения с ближними, которое развращает и благонравных. Будучи в схиме, старец продолжал ходить в братскую трапезу, но воздерживался от насыщения, стараясь, впрочем, не показать этого. Когда все кушали, он весьма медленно, не торопясь, понемногу принимал пищу; хлеб в рот клал крошками. Отец П-ий, бывший некоторое время с о. Архиппом на пекарне, рассказывал нам, что старец не употреблял рыбы и для него никаких разрешений не существовало. До конца поздней обедни он ничего не вкушал и иногда прямо из храма шел в трапезу. Никто не мог его заставить изменить этого правила, не говоря о более важном. Так подвижник тверд был в исполнении принятого воздержания.

Однажды на масляной неделе пеклись блины для братии. Утром все находящиеся на пекарне кушали блины, один о. Архипп не прикоснулся к блинам. Пристали к нему братия, прося и уговаривая именем любви покушать и не пренебрегать даром Божиим и ими, но в подвижнике человеческая любовь не одолела любви к Богу. Для о. Архиппа лучше было огорчить людей, чем Бога, Который радуется, видя, что мы сами идем навстречу бесчестию, чтобы подавить, поразить и истребить в себе суетное самомнение. Если до поступления в обитель, отец Архипп три года не вкушал скоромного, то в обители он тем более строго держал постоянный пост, зная, что аще внешний наш человек (тело), тлеет, обаче внутренний (душа) обновляется (2 Кор. 4, 16). Ибо каким видится, тело пространно питаемое, — цветущим и полным, таковой духовно делается душа через воздержание.

Благообразие души отца Архиппа невольно сказывалось в лице: оно сияло бледностью святого воздержания. В посты старец особенно был воздержан. Однажды в Петров пост в 2 часа пополудни он пришел из скита в "киновию" (Так в Глинской пустыни называется домик в лесу, на середине дороги между дальним и ближним скитами. В этом домике первоначально готовили общий стол для рабочих в лесу) и признался отцу Михаилу, что еще не кушал, от чая отказался, взял небольшой кусок черного хлеба и половину огурца. С переходом в Спасо-Илиодоровский скит, он усилил свой пост. Начал причащаться еженедельно, а если на неделе был праздник, то и чаще. Поэтому, у него всегда было сухоядение, без масла. Горячую пищу подвижник употреблял по субботам и воскресеньям, в остальное время для него пищею были хлеб, сырая капуста, огурцы, редька, картофель. Раз на первой неделе великого поста, видя о. Архиппа сильно отощавшим, брат Леонид предложил старцу подкрепиться пищей. Строгий воздержник побежал от него. Так боялся он нарушить принятый пост. Сильное воздержание и грубая сухая пища конечно были вредны для изможденного подвигами о. Архиппа, но он желал лучше умереть, чем отступить от боголюбезного воздержания (Такое воздержание для многих казалось лишним. Не лишнее оно тому, кто хочет уподобиться ангелам. Св. Симеон Столпник говорил: "Хотя пиша не оскверняет человека, однако она рождает скверные помыслы, помрачает ум, вкореняет страсть (чревоугодия), претворяет духовного человека в плотского, пригвождая мысли его к плотским вожделениям" (Четьи-Минеи, мая 24-го)), поста и молитвы. В год смерти за послушание о. настоятелю старец стал кушать каждый день горячую простую пищу в два блюда (Не зная этого, схимонах Лука, ученик и сподвижник о. Архиппа, сам замечательный аскет, говорил про своего старца: "Был великий воздержник, а теперь изменился"). Чай пил о. Архипп однажды в день после обеда. В чае он как бы не нуждался. Налитый стакан у него стоял долго, выпьет один-два глотка, выплеснет на пол и просит снова налить. Он часто заваривал особую траву или клал ее целой горстью в стакан с чаем. Самый горький травяной настой пил без сахара. Этой травой он угощал братию. За послушание старцу едва-едва выпьешь один стакан. Иногда подвижник заваривал сосновые шишки, иногда сушеную жгучую крапиву и советовал другим пить. "Такого чая ни у кого нет", — говорил он. В последнее время, особенно при болезни, отец Архипп мог бы иметь различные "утешения" (В обителях утешением называется угощение, поощрение или отпуск чего-либо сверх положенного, ради доставления отрады в скорбной и однообразной иноческой жизни), но он не только не требовал их, а

даже отклонял, желая пребыть на кресте самоумерщвления до самой смерти, ибо претерпевый до конца, спасен будет. Подвижники воздерживаются от всего для получения венца нетленного, говорил святой апостол (1 Кор. 9, 25) и о. Архипп старался быть воздержанным не только в пище, во сне, но и во многих других отношениях. Заботясь насколько возможно поддержать здоровье подвижника, отец настоятель в 1895 году благословил о. Архиппу распарить больные ноги в бане. Старец, как поступил в обитель, 43 года не был в бане и неизвестно, бывал ли когда. Другой, пожалуй, стал бы просить не ходить, и для такого старца, как он, достаточно было сказать одно слово, чтобы не нарушить своего правила, но не так сделал беспрекословный послушник, он не осмелился и одним словом пререкать своему пастырю. Келейник невольно высказал удивление: "Столько лет вы, батюшка, в баню не ходили!" — "А послушание? Отец игумен благословил", — сказал отец Архипп. Тут не знаешь чему удивляться: или великому воздержанию, или беспрекословному послушанию. Когда о. Архиппа вели в баню, он несколько раз с сожалением сказал: "Все мое пропало!" — пропало старание о том, чтобы не видеть тела своего и не показать его другому.

При раздевании старца келейник увидел, что о. Архипп туго опоясывался по белью толстой веревкой. Большой узел веревки упирался в живот подвижника.

Отец Архипп также был крайне воздержан в зрении. На женщин он вовсе не смотрел, в их присутствии взор обращал на другие предметы или вниз. Если необходимость заставляла сидеть с женщиной, он садился далеко, голову опускал и отвечал на вопросы собеседницы, не обращая к ней лица своего. Однажды в монастыре, после литургии, в храме подошла к нему женщина и стала что-то спрашивать. Старец не только, по обыкновению, опустил глаза, но и закрыл их рясой и, ответив коротко, выбежал из храма.

Другой раз на монастырских Сеймских мельницах отец Архипп, указывая на гостиный дом, спросил послушника: "Кто там"? — "Какая-то приезжая барыня". Старец закрыл лицо полой подрясника и побежал на мельницу, споткнулся, упал, поднялся и опять побежал, показывая пример, как инокам надо быть осторожными в обращении с другим полом.

V

Желая положить хранение устам своим и не согрешать языком, сей мудрый у Бога и безумный у людей, в начале подвигов своих, перед тем как на пекарню собираться братии на послушание, клал в рот щепку, пока не навык молчать или говорить только кратко одно полезное. Обычных рассуждений двоедушных слабых натур у него не было. Он не обращал внимания, что скажут другие, а ради принятого подвига терпел все находящее. Часто обращались к нему с желанием втянуть в беседу, но он твердо стоял в своем намерении; иногда уклонялся от пустых бесед под предлогом немощи или болезни, а послушание всегда исполнял с полным усердием. Многие неблагоразумные за это осуждали его и смеялись, не понимая, что разумный молчит (Притч. 11, 12) и соблюдает душу свою от погибели (Притч. 13, 3), ибо, по слову святого апостола Иакова, кто думает, что он благочестив и не обуздывает своего языка, но обольщает свое сердце, у того пустое благочестие (Иак. 1, 26). Молчание подвижника было вполне разумное. Он не хотел только говорить об обычных делах человеческих. Когда же заговаривали о душеполезном, он сейчас же оживлялся, глаза его начинали искриться какой-то неземной радостью и на устах появлялась улыбка.

Пустословие других старец прекращал громким произнесением молитвы Иисусовой или заставлял кого-либо читать Священное Писание. Когда спрашивали у него не должное, он отвечал: "Прости, Бога ради, я ничего не знаю", — и громко начинал повторять: "Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного". Вообще надобно сказать, что у него в словах, делах, движениях, а главное, в сердечном чувстве всегда был страх Божий (В этом и состоит вся сила и образ истинного христианского благочестия и тем более монашеской жизни).

VI

Отец Архипп еще послушником вполне оправдал священные слова, кои вышиваются на схимнических одеждах: плещи моя вдах на раны и ланиты моя на заушение, лица же моего не отвратих от студа заплеваний (Это сказано было пророком Исаиею (50,6) в отношении к лицу Иисуса Христа и относится и ко всем ищущим совершенства в подражании Господу).Такое добровольное предание себя на злоключения при незлобии на оскорбителей свойственно только совершенным, но отец Архипп, как мы уже говорили, и поступил в обитель испытанным в терпении. Однажды на пекарне он стал просить новоначального брата месить хлебы. Тот в гневе бросился на подвижника и закричал: "Как смеешь меня заставлять?" и бил его до тех пор, пока сам не уморился. И что же? Не бивший, а битый поклонился в ноги и просил прощения. После этого о. Архипп несколько дней был болен. Враг спасения человеческого сам озлоблялся и окружающих озлоблял на истинного подвижника, ибо мерзостью для нечестивого кажется идущий прямым путем (Притч. 29, 27). Другой раз тот же брат в пылу напрасного гнева схватил о. Архиппа за бороду и вырвал у него клок волос. Смиренный и кроткий труженик огладил бороду и, падая в ноги обидчику, сказал: "Прости меня, верно я тебе не понравился". Кто-то в пекарне сильно ударил о. Архиппа в висок: он четверть часа лежал на полу без памяти на грязном мокром каменном полу, а, очнувшись, встал и молча взялся за свое дело, как будто ничего с ним не случилось. Раз его сильно побил один брат за то, что ему не понравилось пение отца Архиппа на клиросе. Но положивший устам своим хранило внегда восстати пред ним грешнику (Пс. 38, 2) через некоторое время пригласил к себе обидчика и угостил. Непамятозлобие есть признак истинного покаяния, говорит св. Лествичник, ибо Богу угоден тот, кто, делая добро, страдает несправедливо (1 Петр. 2, 19—20), и блажен тот терпеливец, который может в унижении хвалиться высотой своей (Иак. 1, 9). Если не ложно слово премудрого, что глупый весь свой гнев изливает, а мудрый сдерживает его (Притч. 29, 11), то мы и тут поймем высоту отца Архиппа перед его оскорбителями, ибо мудрость, по выражению Марка подвижника, состоит не в том только, чтобы знать истину в естественной последовательности, но и в том, чтобы от обижающих нас переносить зло, как свое собственное (Как бы нами заслуженное, по слову апостола: страдает ли один член, с ним страдают все члены (1 Кор. 12, 26)). Оставшиеся с одним первым знанием возносились гордостью, а достигшие второго стяжали смиренномудрие. Некоторые случаи оскорблений, дававшие о. Архиппу повод к смирению, вспоминал и сам старец. Так, он рассказывал нам, что как-то старший заставил его одного из мучника нести в пекарню ушат с мукой. Муки в ушате помещалось до трех пудов и всегда носили вдвоем. "Я отказался, не мог нести, — старший поколотил меня". Говоря это, о. Архипп крестился, добродушно улыбался и молился за оскорбителя.

Счастлив, кто шел путем тернистым
И молча слезы скорби лил:
Кто духом кротким, сердцем чистым
Терпел и за врагов молил.

Зная все это, невольно удивляешься терпению и незлобию отца Архиппа: он в скорбях не скорбел и, обижаемый, не жаловался, все принимая, как посланное от Бога ради очищения грехов наших и ради спасения.

VII

По поступлении в обитель отец Архипп пять лет не имел у себя келлии, приметаясь на пекарне, вменяя себя за ничто перед человеками: спал он или на грязном каменном полу и на угольях лицом в угол, или на полке перед столом, при самом входе в пекарню. Иногда нарочно рассыпал муку, разливал воду или ронял тесто. Начнут его ругать, а он кланяется и у всех просит прощения. Таким образом он заставлял выходить наружу скрывающиеся внутри страсти, уничтожал их собственным смирением и уничижением себя перед другими. Одежду

подвижник носил порванную, грязную. От простуды и долгого стояния в храме у него на ногах образовывались отеки, обыкновенных сапог одеть было невозможно. Он некоторое время носил на одной ноге сапог, на другой валенок, потом ходил в опорках, которые по виду были настолько плохими, что никто не поднял бы их на дороге. Впоследствии отец Архипп ходил или в больших валенках или в особо для него сшитых просторных сапогах. Часто старец тер лицо руками или ерошил волосы на голове. Все это подавало повод называть его юродивым, безумным, прельщенным. Он не отрицал этих названий, умея искусно ими укрыться от тех, кто не искал у него совета и не желал принести ему душевную пользу. Посему о. Архипп говаривал: "Лучше всего дураком быть, да надобно уметь им сделаться". Тем, кто называл его прельщенным, он говорил: "Прости меня, я прельщенный", перед теми, кто считал его юродивым, он показывал себя безумным. Но действительно безумный действует бессознательно, а этого не было заметно у о. Архиппа. Безумный говорит и делает разные глупости, ему только свойственные, но в то же время не признает себя безумным; о. Архипп, напротив, сознавал, что сам по себе он ничто, и без Бога ничего не может сделать, а исполнял очень мудро все требуемое иноческими уставами. Скорее можно назвать глупым знающего доброе, говорящего о добре и его не делающего, чем называющего себя юродивым и делающего все доброе разумно. Отец Архипп был лишь исполнителем слов Священного Писания: аще кто мнится мудр быти в вас в веке сем, буй да бывает, яко да премудр будет (1 Кор. 3, 18-19), зане буее Божие премудрее человеков есть и немощное Божие крепчав человек есть (1 Кор. 1, 25). Юродство свое старец совершенно оставил, как нам кажется, только по вступлении в меру бесстрастия. Однако для неразумных и в этом состоянии он казался неразумным, особенно тем, кто не знал аскетических требований святых отцов или отречение от греховных и плотских удовольствий считали буйством.

В их глазах старец не переставал казаться очень странным и, может быть, достойным презрения, а Богу, смотрящему на душу и сердце, был любезен. Господь не презрел трудов и подвигов смиренного подвижника и богато ущедрил его своими дарами. И все те, кто видел в отце Архиппе истинного труженика ради Царства Божия, не пренебрегал им; они верой и любовью ублажали его за истинно тесный спасительный путь и признавали мудрым, ибо, по слову Божию, муж долготерпелив мног в разуме (Притч. 14, 29).

Не желая вводить братию в грех осуждения и оскорбления, о. Архипп поступающим в пекарню — тем, кто чаще других относился к нему по послушанию, так характеризовал свой образ жизни: "Путей спасения много, каждый идет своим путем. Наш игумен (В то время игуменом был отец Иннокентий, умерший в сане архимандрита в 1888 г., известный своей духовной мудростью, даром прозрения и любовью к ближнему) идет открытым прямым путем, отец Игнатий также (Бывший письмоводитель о. Иннокентия, из дворян, в миру был чиновником, усердно потрудился в обители 18 лет, скончался в 1863 г); Иероним (Ризничий, который подвизался 45 лет и блаженно скончался иеросхимонахом в 1895 г) идет закрытым путем смирения, а я сделал себя дураком, и дурак на самом деле. Трудны все пути, но дураком себя не всякий может сделать. Трудно не обижаться, когда оскорбляют, а надобно все терпеть (Юродство Христа ради считается самым трудным подвигом спасения). Мальчики (молодые послушники) мне говорят: "Архипп, ты дурак", и я говорю: "Дурак". — "Ты, — говорят, — не так сделал". — "Простите, я дурак, не понимаю".

VIII

Незлобие, прощение обид, добровольное юродство и вся жизнь о. Архиппа свидетельствуют о его глубоком смирении, которое святыми отцами считается первой добродетелью и основанием для прочих добродетелей. В начале своих подвигов в обители он руководствовался советами братского духовника иеромонаха Анастасия (Скончался в глубокой старости в 1873 г.; о. Анастасий был 21 год по руководством игумена Филарета, известного святостью жизни), после его смерти обращался к известному старцу схиархимандриту Илиодору (Скончался в 1879 г.; он тоже был учеником о. Филарета, имел дары духовной мудрости, прозрения и постоянной умно-сердечной Иисусовой молитвы. На месте пустынных подвигов о. Илиодора в монастырском лесу теперь находится Спасо-Илиодоровский скит Глинской пустыни), с которым некоторое время жил в одном

коридоре. Старец Илиодор полюбил Архиппа за его строгую жизнь и смирение и отзывался о нем высоко. Однажды, указывая на него своему ученику отцу И., схиархимандрит Илиодор говорил: "Вот мы видим образец жизни живого святого" (Другим монахам схиархимандрит Илиодор, указывая на о. Архиппа, не раз говорил: "Это один из древних старцев живет в наше время"). Недоверие к своему рассуждению о. Архипп сохранил до самой смерти. Будучи уже прославленным подвижником и старцем, руководителем в духовной жизни Глинских схимников, а также давая другим наставления, он не переставал проверять себя вопрошением других: "Так ли я сказал?" и при этом прибавлял: "Я ничего не знаю". Священное Писание слушающих советы называет мудрыми (Притч. 12, 15), хотя они и не мудры у людей. Несмотря на все благодатные дары, старец Божий не превозносился, знал, что сам по себе он земля и пепел, велик и праведен не он, а Бог, дивный во святых Своих, в них почивающий, и потому в похвалах не тщеславился, считал себя недостойным хвалы; хвалимый более ревновал о совершенстве, а поносимый побуждал себя к покаянию. Таким образом до самых последних дней своей жизни отец Архипп искал случая к смирению и во всякое время готов был у старшего или младшего просить прощения; скажет что-либо хотя бы последнему послушнику, заметит, что слова его не понравились, сейчас говорит: "Прости меня, ради Бога". Когда заходил разговор про кого-либо, особенно с осуждением поступков, отец Архипп обыкновенно говорил: "Он выше (достойнее) меня". Таким образом сей простейший из простых смертных, как называл его один из почитателей, при помощи Божией мог победить всякое возношение и тем сохранил все свои добродетели нерасхищенными, ибо только смирением сохраняется сделанное. Кто себя почитает чем-либо, будучи ничем, тот обольщает сам себя (Гал. 6, 3). Мы с собой ничего не приносим, все Божие, а не наше. Что ты имеешь, спрашивает апостол, чего бы не получил? А если все получил от Бога, то нечем хвалиться.

По смирению своему о. Архипп не считал себя достойным уважения старцем, иногда удивлялся, зачем к нему идет народ. "Огарок догорает, смерть на носу, глаза оловянные, глупый"... Так он называл сам себя. Иногда он скрывался от народа, а раз в ближнем скиту вылез в окно, когда келлию его окружило много народа, и келейник объявил, что старца нет в келлии. Некая почитательница подвижника во что бы то ни стало хотела видеть старца, который в то время никого не принимал. Уступая настойчивой просьбе, о. Архипп надел на себя чугунный тяжелый крест, открыл двери келлии и говорит: "Вот как я живу, вот камень (Камень был давно принесен в келлию по просьбе о. Архиппа), вот как я молюсь: "Раба Божия, раба Божия, раба Божия..." Старец крестился и очевидно хотел показать себя безумным. Почетные посетители иногда сопровождались к отцу Архиппу кем-либо из братии. Это видимо стесняло смиренного подвижника. Тогда он вместо советов говорил разные несообразности и многие оставались в недоумении о хваленом старце, который не умел толком сказать двух-трех слов. Однажды отец Архипп высказался так: "Вы ученые, а я малограмотный, что скажу, вам? Помолимся". И начинал молиться с поклонами: "Помяни, Господи, раба Твоего (имя), помяни, Господи...". Так до 10 раз. "Даруй ему, Господи, здравие и спасение... Даруй ему, Господи, здравие и спасение... Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас; Пресвятая Богородице, спаси нас!" Опять делал несколько поклонов. С ним молились все присутствующие. Молитва старца всегда выручала. В одно время старец Архипп казалось так много наговорил лишнего, что монах М., сопровождавший посетителей, вынужден был просить в будущем ничего подобного не говорить, но не помогло; в другой раз подвижник при том же М., как бы нарочно еще более наговорил посетителям, чего бы говорить не следовало. Отец М. скорбел и не знал, что делать. Ему не желалось, чтобы все это продолжалось дальше. Придя в тот день к вечерне, он боролся с помыслами по поводу слов старца и решился так или иначе доложить отцу настоятелю. В это время отец Архипп быстро соскакивает со своего места, бежит к М. и говорит: "Прости меня, я много говорил, не говори отцу игумену"; братски лобызается в плечи. М. стал доискиваться причины, почему отец Архипп так поступает и, кажется, нашел ее. Желая выйти из неловкого положения, он доложил отцу настоятелю, что старец стесняется принимать посетителей в присутствии посторонних: ни его

не могут спросить, ни он не может сказать что-либо откровенно. После этого ищущих духовного совета отец настоятель стал посылать к о. Архиппу без провожатых и даже просил не говорить ему, кем они посланы.

В обитель приехали почетные посетители. NN. расхвалил им прозорливость о. Архиппа и между прочим сказал: "Он имена Ваши угадает". Старец действительно называл некоторых по именам, не зная их и видя в первый раз. Гости к подвижнику приехали с NN. Отец Архипп обращается к одному из них и спрашивает: "Вас зовут Петр?" — "Нет" — "Иван?" — "Нет". Другого также дважды назвал не по его имени и потом с улыбкой повернулся к NN. и спросил его: "А что, угадал?"

Этим он с одной стороны избежал суетной славы, с другой показал, что дар, сходящий свыше, в угодниках Божиих проявляется для других — не на злоупотребление, не ради славы или человекоугодия или денег, а единственно на пользу душевную, и только в то время, когда это будет угодно Богу (Что за польза, скажут, если праведник узнает имена. Этим он привлекает внимание к себе и тех, кто сами для себя не ищут пользы душевной; но он, желая им спасения, ищет его для них. Привлеченные им из любопытства, часто уходят с пользой. Его слово при содействующей благодати Божией рано или поздно даст какой-либо плод. Во всяком случае само по себе слово человеческое не умирает. Оно так или иначе воспринимается слушающими, в уме или в сердце перерабатывается и снова является на свет, падает опять на сердца слышащих, рождается у них и т.д.).

Обыкновенно в своей простоте и смирении старец Божий никогда не подозревал, что его слова некоторыми записываются или передаются другим для записи. Как-то брат С. сказал об этом о. Архиппу и даже указал, кто именно более всего о нем пишет. С тех пор старец стал действовать более скрытно, по крайней мере от записывающего его слова и действия (Есть основание думать, что о. Архипп не велел келейникам рассказывать о нем, и потому многое из жизни его для нас сокрыто). Когда для примера другим настоятель указывал на о. Архиппа и это доходило до него, то старец просил не прославлять его.

Как-то 'братия говорили о. Архиппу о том почтении, каким он пользуется среди почитателей. Подвижник отвечал: "Это не всякому полезно, а иному и во вред" (Св. Марк подвижник говорит: "Невозможно ходить по духу, возлюбив похвалу человеческую и послабление телу. В таких без их хотения прозябают лукавые помыслы (1-й том Русского Добротолюбия. С. 554)).

"Кто гонится за славой, слава бежит от него и кто бегает от славы, она следует за ним". Это изречение святых исполнилось на отце Архиппе. Бегал он славы, но не избежал ее, она росла по мере его смирения. Старец все приписывал Богу и воздавал ему хвалу, а Господь его прославлял во исполнение слов Своих: прославляющих Мя прославлю (1 Цар. 2, 30). В последнее время (когда старец пришел в состояние бесстрастия) ему не страшны были враги, не страшна была и слава. Врагов он победил смирением, славу же — полным презрением. Вот почему жизнь его была вполне открыта и назидательна для окружающих. Но смиренный старец, желая и других научить смирению, не только не дозволял прославлять себя, но не любил, когда и других прославляли. Если начинали живых и вполне достойных хвалить, о. Архипп спрашивал: "Святой он?". Потом добавлял: "Умрет, тогда посмотришь". Этим он давал урок: никого не прославлять ранее смерти (Сир. 11, 28).

Блажен, кто, омертвев душой
Ко всем блестящим суетам,
Лишь Богу жертвует собой
И с верой зрит бессмертья храм.

IX

Смиренный подвижник, бегающий всякой славы, и келлию имел смиренную. В ней не было никаких украшений: иконы с лампадкой перед ними, подставка со следованной Псалтирью, стол, стул, табуретка и кровать. Все это было старое и самое простое. На кровати

побитый войлок и чем-то жестко набитый толстый мешок вместо подушки; на закоптелых стенах в беспорядке прибиты были листы бумаги различной величины с молитвами и изречениями. Видно, вся забота старца была не о внешнем убранстве жилища, а о внутреннем украшении души (Ефрем Сирин в ст. "В подражание притчам" говорит, что бесполезное убранство келлии не дает монаху терпения). В последнее время келлия о. Архиппа имела несколько лучший вид, но только потому, что келейники ее убирали, а старец ни во что не вмешивался. Почитатели заботились о возможном покое немощного подвижника и посылали ему кто мягкое кресло, кто коврик. Он, не желая оскорблять отказом, принимал с благодарностью, но, привыкший к простоте, видимо всем этим тяготился. Все время вне храма и послушания отец Архипп проводил в молитве или чтении Священного Писания. Кто бы ни пришел к старцу из братии, он заставлял прочитать одну-две главы из Апостола, Евангелия или кафизму из Псалтири. Иногда он сам приходил к кому-либо из живущих с ним в одном коридоре и также просил почитать Псалтирь или Евангелие. Кроме того, любил читать или слушать акафисты и Киево-Печерский Патерик. Из последнего — преимущественно жития Марка пещерника, Пимена многоболезного и Прохора лободника (Читали о. Архиппу приходящие братия, а в последние годы келейник). Не без причины сии преподобные пользовались особенным вниманием подвижника. Он сам старался им подражать, видя в их житии некоторое сходство со своими стремлениями. Нередко о. Архипп заставлял кого-либо читать акафист Тихону Задонскому, который "житию бесплотных поревновал, подвигам древних святых отец подражал и самоотвержение всецелое показал (3-й и 7-й ирмосы акафиста), он (святитель Тихон. — Примеч. издат.), от юности возлюбивший Христа, восхваляется как образ добродетелей, учивший других благому житию словом, делом, любовью, смирением, незлобием, чистотой, послушанием и воздержанием; В отце Архиппе мы видим те же добродетели и то же желание учить других примером своей жизни. Старец питал особое благоговение к святителю еще за то, что он поклонился в ноги ударившему его юродивому. Смирению святителя подражал отец Архипп и также падал в ноги своим оскорбителям, прося у них прощения. Святителей Митрофана Воронежского и Тихона Задонского отец Архипп ставил в пример подражания одному послушнику: "Ученость не спасет, — говорил он, — а послушание и смирение". Желая всякую минуту употребить на угождение Богу, старец Божий на себя лично, для обеда, ужина, чая старался употребить как можно менее времени, Кажется, с этой целью он наливал чай в стакан не носиком, а через край чайника. Он также весьма мало спал. Когда жил в монастыре, рассказывал нам один из учеников его, то спал большей частью сидя на узком выступе печки, а чтобы не упасть, протянул веревку и во время сна держался за нее. Можно представить себе, каков был сон подвижника в таком неловком положении. Иногда о. Архипп спал, сидя на стуле.

X

Вообще у о. Архиппа мало было заботы о покое и удобствах жизни, он все отверг ради Господа Иисуса, шедшего тесным путем и не имевшего где главы преклонить (Мф. 8, 20). Добровольная бедность — богатство монаха; с ней он всегда и всем доволен при скромных потребностях в жизни и потому не имеет столкновений с братиями из-за чего-то временного, вещественного. Он знает, что в случае нужды все необходимое пошлет ему Господь во время благопотребное, не как дар за добродетели, а как милость. Так и жил о. Архипп. Он всегда был всем довольным и благодушным. "Великое приобретение, — говорит апостол, — быть благочестивым и довольным" (1 Тим. 6, 6). Имея упование на Бога, о. Архипп не искал никакого воздаяния за советы (Делающий добро и ищущий воздаяния, утверждает Марк подвижник, не по Богу работает, а по своему хотению (1-й том Русского Добротолюбия. С. 565. § 57). В оный страшный день ему скажут: восприял вси благая в животе своем (Лк. 16, 25). Но иное дело принимать самовольно и прилагать к принимаемому свое сердце, иное дело принимать за послушание не лично для себя, а на обитель и братство). Правда, он не отказывался принимать некоторые приношения своих почитателей, но только потому, что не хотел оскорбить усердие приносящих; подаваемое подвижник отдавал братии. Мы уже говорили, что в юности старец не любил денег, называл

их железом и отпускал товар бедным, не требуя платы; тем более монахом о. Архипп остался верным обету нестяжания и, если имел при себе небольшое количество денег, присылаемых братом или подаваемых посетителями, то не прилагал к ним сердца, употребляя их на чай для угощения братии, приходивших к нему за духовным советом, на траву, раздаваемую народу, и на нужды обители. Старец никогда не запирал денег; жившие вблизи него всегда знали, где находятся его деньги. Их он клал в щели стен своей келлии, по углам или на полу и не скрывал этого, а раз положил бумажник в щель и замазал тестом. Может быть, и тут как во всех поступках у него была своя нравоучительная цель. Однажды о. Архипп пришел в просфорню взять булку. Просфорник удивился приходу подвижника, который прежде никогда не брал булок. Видя удивление отца Ф-та, он сказал: "Брат приехал, чай придет пить, надо хотя булку взять. Все не понравилось брату у меня: "Живешь, говорит, небрежно, паутины много"... После отъезда брата о. Архипп угощал братию чаем, сахар клал в стакан горстью и приговаривал: "Пей, у меня теперь много сахару, брат голову привез". А тому же отцу Ф-ту говорил: "Брат спрашивал, не надо ли денег. Я ему отвечал: "На что мне деньги — чая и сахара ты привез; хлеб, пища, одежда монастырские". — "Пригодятся, — говорит, — коли нужда будет". — Я их у него не взял, он на столе оставил".

XI

Зная, что страдающий плотью перестает грешить, отец Архипп для сохранения блаженного бесстрастия без всякого сожаления изнурял себя разными способами и когда был совершенно больной, лично не принимал никаких мер к излечению, напротив того, как бы искал случая нанести больший вред своему здоровью. Но это происходило у него не от пренебрежения жизнью, а от полного упования на Бога, без воли которого и волос с головы человека не спадет, как уверяет нас Слово Божие. Старец очень туго подтягивался по белью. Отец Н., келейник его, говорил: "Жаль было смотреть на о. Архиппа. Тело у него было очень сухое, точно скелет, обтянутый кожей".

Иногда зимой, в мороз, уже будучи в дальнем скиту прославленным старцем, о. Архипп больными ногами вставал в снег по колено и стоял. "Вот тебе, вот тебе!.. Не хочешь? Стой!.." Так укорял он плоть свою, противящуюся требованиям духа и побуждал ее к несению всяких трудностей, чтобы добровольными трудами избежать трудов невольных, ибо, по слову св. аввы Фаласия, ум благомыслящий обучает душу и приручает тело ко всяким подвигам.

Когда по послушанию отцу Архиппу необходимо было ехать из скита в обитель, он просил запрягать лошадей и сам шел пешком или бежал. Запрягут лошадь и нагонят его где-нибудь лежащего в снегу или в грязи, едва переводящего дух. Так до самого исхода своей жизни старец не сбрасывал с себя креста, который должны нести все последователи Божественного крестоносца. Отцу Архиппу, вожделевающему будущих вечных благ и уповающему на споспошествующую благодать, и трудное было не трудно.

Кто с упованьем Бога просит,
Легко тот крест житейский носит.

Нужно ли после этого говорить, что сей добровольный бескровный мученик ради Бога и Царствия Небесного прежде смерти мертв был для страстей? В смиренном старце, распинавшем плоть свою, враг спасения не находил себе места, и подвижник, как храбрый воин, уже не боялся невидимых врагов — открыто подвизался, подавая собой добрый пример братии. Но если Иисуса Христа, Иже греха не сотворити, порицали, то удивительно ли, когда порицают верных рабов Его? Отец Архипп не составлял исключения. И его порицали. Монаху, говорили, следует скрывать свои подвиги. Это общее святоотеческое положение, но нет правил без исключения. Рассуждение, к кому, когда и что относится, святыми отцами поставлено выше всех добродетелей. При помощи рассуждения можно знать исключения из общих правил и применять их к кому должно. Василий Великий пишет: "Кто по благодати

Божией чист от недуга человекоугодия, тому нет надобности скрывать прекрасное". Мы постоянно видели о Архиппа говорящим одну правду без различия лиц, званий и положений; в нем не заметно было человекоугодия и потому, думаем, — он открыто мог подвизаться.

Иногда старец давал особые уроки труда и терпения. Раз осенью схимонах Архипп пригласил отца N. помочь ему обмазать келлию. Для обмазывания стен он брал не глину, а грязь, которая была тут же, у келлии; грязь не прилипала и отваливалась. Так немало потрудились. Наконец о. Архипп говорит: "Пойду самовар ставить" и ушел, а инока оставил работать. Тот и подумал: "Руки зябнут, грязь не пристает, только напрасный труд, лучше бы старец пригласил штукатуров, они сделали бы все, как следует". В это время о. Архипп позвал его на чай и говорит: "Руки зябнут, грязь не пристает" и повторил все то, о чем инок думал. Потом добавил: "Раб Божий, не скорби. Матерь Божия каждый шаг твой видит и запишет, ничто не пропадет". После этого уже не работали, келлия осталась необмазанной. Для старца, как видно, нужна была не обмазка келлии, а урок. В дальнем скиту старец однажды после вечерни лег на пол храма головой в угол и не вставал. Брат Иван говорит ему: "Батюшка, тут жестко". — "За мои грехи и этого мало", — ответил подвижник, который мог не ложно говорить со святыми: Бога ради умервщляемся весь день (Пс. 43, 23), телесные мучения — веселие рабом Твоим, Господи (Молитва св. Евстратия), ибо в спокойствии чистой совести и в тайных утешениях бессмертного духа любящему Господа как бы нечувствительны бывают трудности бренного естества. Он знает, что страдающий со Христом с Ним и прославится и что нынешние страдания ничего не стоят в сравнении с будущей славой, как уверяет христиан святой апостол (Рим. 8, 17—18).

XII

Еще более было ревности у старца к посещению храма Божия. Все божественное он изучал не словами, а трудами, ибо хорошо понимал, что не слов, а дел потребуют от него во время исхода. До поступления в обитель он спешил в храм по первому звуку церковного колокола, ничто не могло задержать его дома. Тем более так подвижник поступал в монастыре, если был свободен от послушания. С освобождением от обязательного послушания на пекарне о. Архипп всегда находился в церкви, пока храм был открыт. Можно сказать, что он жил более в храме, чем у себя в келлии. С двенадцати с половиной часов ночи и до трех-четырех часов утра он был на утрени, а в праздники на бдении с семи часов вечера четыре—шесть часов подряд; днем старец находился там с раннего утра до обеда, пока отслужат две литургии, акафист и не отбудут все требы, час на вечерне, час на повечерии, а иногда и долее. Кажется не было случая, чтобы отец Архипп проспал утреню или не выстоял ее до конца, если и могли быть исключения, то не по его вине. Последние лета жизни о. Архиппа нам особенно памятны. Бывало посмотришь на него и невольно думаешь: "Не от мира сего сей небесный человек или ангел во плоти". Не видели старца Божия разговаривающим в храме или смеющимся, но всегда внимательным; поистине он достигал спасения со страхом и трепетом (Кто не начинал еще молиться молитвой неразвлеченной, сердечной, тот может думать о легкости молитвенного подвига. Святые уверяют, что нет ничего труднее молитвы, конечно, молитвы внимательной, горячей, без примеси пространных помыслов, когда дух ум и сердце сливаются воедино и со страхом предстоят Творцу всяческих. Для такой молитвы требуется большая сосредоточенность, долготерпение, сила воли, а главное, любовь ко Господу и ревность о спасении, при которых и длинная молитва кажется короткой.). Были случаи, когда о. Архипп заболевал, едва мог идти, но хотя ползком, как говорил о нем один почтенный старец, все же направлялся в церковь. Эту ревность ко храму Божию он сохранил до смерти. В последнее время жизни о. Архипп был совершенно слаб, особенно ногами, вот, кажется, сейчас умрет, но заблаговестили, — и он напрягал последние силы и не шел, а бежал к богослужению, показывая другим пример, как надобно монаху спешить на церковную службу. "Зазвонят в церковь, — как на пожар беги", — говорил он другим. Находясь в дальнем скиту, совершенно больной, он лежит и едва дышит. Но вот зазвонили к богослужению, он говорит келейнику: "Веди, веди меня!" И идет, едва передвигая ноги, поддерживаемый келейником, и еще укоряет

себя за нежность. В последний год старца носили или возили в храм, стоять он там не мог, сидел или лежал, не желая оставаться в келлии во время богослужений. Вообще старец Божий побуждал себя на всякое дело благое; благочестием побеждал разленение, молитвой, терпением и трудом прогонял уныние, обычное на долгом иноческом пути.

XIII

Отец Архипп в отношении богоугождения был строг и к своим приближенным и к ученикам. Их он вел тесным путем труда, терпения и смирения. Когда ему за послушание благословлено было принимать посетителей, то ему назначили келейника. Иногда при нем жил кто-либо из братии. Им он благословил делать все необходимое так, чтобы они не просили на эти необходимые дела каждый раз благословения, кроме некоторых случаев и требовал, чтобы они всегда чем-либо были заняты. Если видел кого праздным, был недоволен и немедленно назначал какое-либо дело.

Отец Архипп был старцем преимущественно Глинских схимников. Приведем здесь примеры отношений его к ученикам. Однажды о. Архипп пришел в больницу к ученику своему схимонаху Варнаве и спрашивает его, почему тот не ходил в церковь. Отец Варнава отговаривался болезнью ног. "Надо принуждать себя", — заметил о. Архипп и показал ему свои ноги. Они, по выражению бывшего тут инока, были толстыми, как бревна, багрового цвета и в ранах — страшно было смотреть на них.

Отец Архипп, находясь на послушании в пекарне, более двадцати лет подчинялся монаху Лонгину, а по принятии последним схимы с именем Луки, сделался его старцем. Они потом одновременно жили в ближнем и дальнем скитах и помогали друг другу идти тесным путем. Для посторонних и не понимающих сокровенного их подвига взаимные отношения сих старцев казались чуть ли не враждебными, но это была своего рода духовная мудрость. Св. Симеон говорил: "Тот, кто кажется недобрым и говорит некие слова, по видимости лукавые, имея в виду узнать дьявольские дела тех, которые кажутся лишь добродетельными и благоговейными, чтобы обратить их на путь покаяния и спасения, поистине есть подражатель Христов, споспешник воли Божией и спаситель человеков. Это, впрочем, могут делать только те, кто не привязан к миру сему и никакого не имеют пристрастия к привлекательным видимостям его и всецело соединились с Богом". Отец Архипп неопустительно ходил на все богослужения, а схимник Лука, такой же ревнитель посещения храма Божия в обители, с переводом в Спасо-Илиодоровский скит держал себя как бы в затворе и не всегда посещал храм Божий, но вычитывал все службы у себя в келлии. Отец Архипп говорил: "Я хожу в церковь, а Лука не ходит, посмотрим, кто из нас выгадает". Схимонах Лука тоже находил что сказать про своего старца. Под обычными слабостями осуждения и пересуд друг друга (а не посторонних) они скрывали свои добродетели. Неопытные этим соблазнялись, высказывали свое нездравое состояние души, но уврачевывались или совестью или самими старцами. Так, однажды старец увидел идущего к нему отца Луку и сказал: "Глухой идет" (Из наблюдения и опыта мы убедились, что о. Лука был очень глухой на неполезное. Но слышал и тихо сказанное о полезном или когда у него истинно просили полезного для души совета). Находящийся у старца один брат стал осуждать идущего. "Я говорю, а ты про него говорить не можешь, он выше меня", — заметил брату отец Архипп и заставил осуждающего класть поклоны. В другой раз отец Лука ночью пришел к своему старцу, пал к нему в ноги и просил прощения, отец Архипп пал в ноги ученику. Так они несколько раз падали друг другу в ноги. Келейнику, умиленному смирением старцев, они запретили об этом кому-либо говорить. Раз идут старцы мимо иконы святых Митрофана и Тихона Воронежских, находящейся с наружной стороны собора Глинской пустыни. Отец Архипп говорит: "Клади поклоны". Лука спрашивает: "Какие?" — "Земные" — "Сколько?" — "Три" — "Батюшка, подержите палку". Архипп берет палку, а Лука при народе кладет земные поклоны за послушание своему старцу.

XIV

Молитва смиренного, говорит слово Божие, проникает через облака (Сир. 35, 17). Молитва смиренного о. Архипа даже за других была действенна перед Богом. Вот несколько примеров. Юный послушник Петр просил старца помолиться, чтобы ему во сне увидеть загробную участь еще живых его родных. О. Архипп ответил: "Увидишь, не спи до 12 часов". Брат Петр, уснув после 12 часов, увидел отца, мать и других родных, веселящихся в каком-то красивом доме, а бабушка в это время ругалась, была мрачная, черная. Сон свой послушник передал старцу Отец Архипп велел 40 дней молиться за бабушку, а бабушке на 40 дней затвориться и поститься, чтобы избежать участи грешных за гробом (Само собой разумеется, что это была показана не окончательная участь родных Петра, а того состояния, в каком они тогда находились. Дальнейшая судьба их легко могла измениться на более лучшее или худшее, смотря по последующей жизни и по тому, в каком состоянии Господь отзовет души их из сей юдоли плача в мир загробный).

Некий брат в знак своей благодарности и уважения к о. Архиппу поведал нам следующее: "Я знал силу молитв старца, — говорил он, — и просил его помолиться. Он видел мою господствующую страсть. В скором времени я почувствовал успех в борьбе с сопротивником. Спустя несколько дней враг сильно вооружился на меня и я, омраченный страстью до забвения, уже решился на падение и тогда еще больше убедился в силе молитв подвижника. Мысленно я вкушал ядовитую прелесть греха, хотел исполнить делом, но что-то мне препятствовало, а затем страстное желание без всякой борьбы с моей стороны моментально пропало. Я снова собирал свои греховные мысли, и они опять были как бы кем-то прогнаны. Так повторялось несколько раз, и греховное мое пожелание не возбуждалось, как это бывает при обычном искушении, когда враг отступает, давая самому человеку в силу привычки повторить известный грех. Это заставило меня задуматься. Внутренний голос сказал мне, что по молитвам о. Архиппа, ангел Господень ополчился окрест меня. Я пришел в себя и познал гибельное омрачение страсти". Некто И.Г. писал о. Архиппу, что он 49 лет от роду, вдов, имеет детей и давно болеет: "Все испытанные лекарства и советы докторов не помогли, чувствую сильную тоску, мысли сладострастные меня мучают, нужно бы жениться, да по слабости нельзя. Прошу помолиться о выздоровлении". Старец отвечал: "Получил я твое письмо и молился о тебе. На твои сетования скажу: грех есть злейшее зло из всех зол. Он удаляет нас от неизреченного благодатного света Божия, который радостью исполняет все наше существо, а может ли радоваться грешник? Нет. Все его удовольствия не по Богу еще более заставляют тосковать. Грешить и оставаться без наказания еще худшее зло. Кто, согрешая, не кается, не терпит наказания, того ожидает немилостивый суд Божий. Поэтому: его же любит Господь, наказует. Благодари Господа, что и к тебе Он милостив: наказывая, смерти не предает, а ждет полного твоего обращения. Если господин наказует прислугу, а она продолжает противное делать, то не помилования, но большего наказания она достойна. Так и ты, будучи болен и неся наказание, продолжаешь грешить и прогневлять Бога. Можно ли ожидать выздоровления? Скорбь и теснота на всякую душу, творящую злое. Если хочешь быть здоровым, необходимо и в помысле уцеломудриться, пора, твой возраст приближается к старости, прожил ты большую половину жизни. Необходимо тебе подумать о вечности. Твори милостыню, посты, молитву, кайся, сокрушайся о грехах, читай священные и душеполезные книги, и скорбь твоя заменится радостью о Господе. Тогда болезнь свою будешь нести благодушно. Бог силен послать тебе и полное выздоровление, только не прогневляй Его. Чтение слова Божия, крестное знамение и частое призывание имени Иисуса Христа: "Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного" прогоняют все злые помыслы. Так всегда надобно восставать против помыслов, чтобы не породили злого желания и греховного дела". Молитвы и письмо старца имели благотворное действие. В благодарность за это И.Г. прислал 5 руб. и писал отцу Архиппу: "Верую, что вы за меня помолились".

Самым главным доказательством силы молитв о. Архиппа и его святости надобно считать чудесное освещение дороги в 1882 или 1883 году. Это было так.

Однажды иеромонах Глинской пустыни отец N. хотел побывать в соседней Софрониевой обители. О своем желании он сказал Архиппу и спросил, не желает ли он с ним ехать? "Скажи отцу игумену', — ответил старец. Отец N. стал проситься и сказал про Архиппа. Настоятель отпустил их на три дня. Собраться в дорогу и проехать 35 верст подряд требовалось немало времени, как и на обратный путь; пробыть в Софрониевой пустыни пришлось немного. На третий день их задержали до вечера и просили остаться на ночь, они не согласились — отец Иннокентий (о. Иннокентий был тогда настоятелем Глинской пустыни) не любил просрочек.

Поехали ночью, желая явиться вовремя. Ночь была темная, дорога проходила по краю глубокого оврага. Кучер предлагал сойти и священноинок соглашался, но отец Архипп не хотел. Веря, что ангелы — служебные духи — посылаются на служение для тех, кто имеет наследовать спасение (Евр. 1, 14), он сказал: "Молись Богу, на Него надейся, нас сохраняют ангелы Его". С этими словами старец склонил голову на правую сторону и мысленно стал молиться. Отцу N. страшно было ехать в полном мраке при ежеминутной опасности ринуться в пропасть; он мысленно осуждал о. Архиппа и хотел снова сойти. Прозревая мысли его, старец сказал: "Сиди, я отвечаю, веруй, Господь не попустит", — взял отца N. за руку и держал. "Не придется отвечать, когда ринемся вниз головой, не соберешь и костей наших" — помышлял отец N.. но покорился. Вдруг какой-то луч осветил лошадей, повозку и овраг, а все остальное окружающее пространство осталось в прежнем мраке. Отец N. указал кучеру на чудесное освещение, тот молча кивнул головой, чтобы не прерывать молитвы старца, глаза которого были закрыты. Но как только миновала опасность, о. Архипп открыл глаза и громко прославил Бога, а кучер сказал: "Поехали, батюшка!" С окончанием молитвы старца луч света исчез и воцарилась прежняя непроницаемая тьма. "Луны вообще не было видно всю дорогу до Глинской пустыни. Это еще более убедило спутников богобоязненного старца в чудесном освещении дороги по святым молитвам отца Архипа (Этот факт о. N. сообщил нам после смерти старца, но очень жаль, что сам о. N. не пожелал быть известным. При известности его чудесное событие имело бы более доверия. Скажем только, что отец N. жив и теперь находится в Глинской пустыни. (Имеется в виду год написания цитируемой книги. — Примеч. издат.)).

Для большего удостоверения в возможности чудесного приведем слова святых отцов: Ефрем Сирин говорит, что небо и земля, море и воздух, и все, что в них, повинуется тому, у кого сердце исполнено страха Божия. Св. Иоанн Синайский в своей Лествице пишет "Никто, видя или слыша что-либо сверхъестественное в монашеской жизни, да не впадает в неверие по неведению, ибо где пребывает преестественный Бог, там всегда много уже совершается сверхъестественного. Совершенный Бог не подлежит изменению. Всемогущество Его одинаково было, есть и будет во веки. Следовательно, и теперь истинные монахи по благодати Божией могут сподобляться тех же сверхъестественных явлений, знамений и чудес. Бог, идеже хощет, — побеждается естества чин, и Сам вещает нам, что у Него все возможно (Лк. 18, 27).

Занимаясь Иисусовой молитвой, отец Архипп и других научал этому великому и святому деланию. Однажды в великий пост о. Архипп сказал отцу М.: "Чтобы далась Иисусова молитва, надо поститься". Тот обыкновенно постился по монашески: кушал без рыбы и масла. Но у о. Архиппа поститься означало иметь всегдашнее сухоядение и вкушать его очень мало. А такой пост и в Великий пост будет постом... Раз старец пришел к отцу Т., лег на кровать и начал читать лежа: "Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного"; "Владычице моя Пресвятая Богородице Дево, спаси мя грешного". Повторив несколько раз, он сказал: "Так можно лежа читать молитву", вскочил и побежал из келлии. Этим он дал понять, что лучше лежать с молитвой, чем без молитвы.

Пришли к о. Архиппу о. настоятель и иноки другой обители П. и N. Старец лежал на жестком ложе, покрытый дырявым подрясником и по складам читал Иисусову молитву, как

бы не обращая внимания на пришедших. "Старец Божий, встань, прими гостей", — сказал ему отец игумен. — "Ох, болен, не могу встать". Его поднимают. Отец Архипп опять начинает читать Иисусову молитву. "От тебя, старец, желают получить слово на пользу" — "Я ничего не знаю". Берет листок и читает редко по складам: "Свеча жизни догорает, се зрю... зрю... гроб перед собой!.. Господи, Иисусе... Иисусе... Христе... Сыне Божий, помилуй мя!.. Я малограмотный, на — прочитай" Дает читать Иисусову молитву отцу П., прибавляя: "Я повторю за тобой". Молитва прочтена была скоро. "Нет, не так, я не мог повторить". Снова начинает читать по складам, повторяя одно и то же несколько раз, ясно, с умилением. "Я малограмотный, на — прочти". Опять дает читать молитву отцу П. На этот раз молитва была прочитана медленно, с чувством. "Ты лучше меня читаешь. Так читай ее всегда и спасешься". С этими словами о. Архипп всем дал листки с Иисусовой молитвой и по листику Глинского издания, повторяя: "Читай всегда и спасешься". Другой инок К., видя болезненного старца, лежащего на жестком ложе, в полном убожестве, умилился душой, отошел в сторону и несколько раз ударил себя в грудь, может быть, с мытаревой покаянной молитвой.

XV

При постоянном самоумервщлении, посте и молитве, при желании умилостивить Бога о грехах отцу Архиппу свойственно было останавливать мысль свою на смерти, что признается одной из самых лучших мер для достижения бесстрастия и чистоты сердца. Память смерти он развил в себе слезами, покаянными чувствами, сокрушением духа, полным послушанием воле старших, пением заупокойных священных песнопений, воспоминанием о смерти своих сподвижников и т.д. Изредка громко, ясно, с чувством о. Архипп читал "Апостол" на ранней заупокойной литургии (Некоторые осуждали его за это, предполагая в нем тщеславие. Но, зная смиренномудрие старца, мы не можем согласиться с мнением тех, кто во всем подозревает худое, напротив, мы думаем, что читал он "Апостол" с той же целью памяти о смерти) и часто вспоминал усопших братии: "Отец Аввакум умер, отец Аполлоний умер, а я живу". Часто своим старческим голосом пел какую-либо погребальную священную песнь или повторял: "Свеча жизни догорает, се зрю гроб перед собой, смерть стоит за мной, суд Божий надо мной... Что сотворю?.. Господи помилуй!.."

Если все это может относиться к каждому, так как краткая земная жизнь наша подобна догорающей свече и конец ее — неминуемая смерть, за ней гроб и суд, то тем более это относилось к старцу, имевшего всегда перед собой раскрытый гроб, готовый во всякое время принять покойника. В него о. Архипп иногда ложился, иногда перед ним проливал слезы. Богобоязненному старцу лучше был гроб без греха, чем дневной свет в грехах. На гробе о. Архиппа была маленькая надпись: "Все наше тут". Внимательному старцу она говорила о многом: тут все сокроется, ничего не возьмешь с собой, не здесь постоянное житие наше.

Жизнь вечного Отечества
За гробом человечества;
Туда пойдут в свидетели
И зло и добродетели...

Некий господин, побывав в келлии подвижника, говорил знакомому Глинскому иеромонаху: "Мне показалось, что я был где-то не на земле: и гроб и сам старец напомнили мне о смерти. Отец Архипп точно встал из гроба, который должен был сокрыть меня".

XVI

С даром памяти смертной несовместимы смех и пустословие (Св. Иоанн Лествичник (в перечне 26-го слова) говорит: "Душа, которая то смеется, то плачет, то роскошествует ни из чего не сможет извлечь себе пользы"). И мы не видели о. Архиппа когда-либо смеющимся, видели же только серьезным и плачущим. Особенно он часто плакал, когда пел погребальную стихиру: "Приидите последнее целование дадим, братие, умершему". Пел он ее довольно часто, и слезы

текли по исхудалому лицу его.

В Спасо-Илиодоровском скиту случаи внешнего проявления слез у о. Архиппа бывали чаще. Раз он плакал и говорил: "Все у меня есть, горе мне, лучше бы своими руками зарабатывать". Но, кажется, более всего подвижник проливал слез, молясь за братии, Пришел он к скорбящему скитянину П-ию, лег на кровать, немного полежал и говорит: "Давай помолимся". Помолились, у отца П-ия скорби прошли; старец ушел. Подушка оказалась смоченной слезами отца Архиппа.

Инок М. был в смущении и подумал: "Пришел бы ко мне отец Архипп и помолился бы обо мне". После обеда его мысленное желание исполнилось: совершенно неожиданно приходит старец (Никогда прежде не бывавший у М.) и говорит: "Свеча жизни догорает, се зрю гроб перед собой"... С этими словами он заплакал. "Мне, — говорил отец М., — жалко стало старца, тогда как оказалось, отец Архипп сожалел обо мне более меня. Отец Архипп просил прочитать главу Евангелия. Открылась 13 глава Евангелия от Луки, где говорится о нераскаянных грешниках, о посечении бесплодной смоковницы, об исцелении жены, связанной недугом 18 лет, и о тесном пути в Царство Небесное. Все это касалось меня. Я также связан недугом страстей и исцелить меня может только Христос, если же не покаюсь, не пойду тесным путем, то и меня Господь посечет, как хотел посечь евангельскую смоковницу. Недаром о. Архипп, вспомнив о смерти, заплакал".

Раз один брат насмешливо выразился по поводу приема о. Архиппом женщин. О. Архипп с глубоким сожалением посмотрел на него, заплакал и отошел в сторону, скорбя о дерзости послушника, ставшего орудием врага спасения ("Начало духовного развращения в монахе — смех и вольность, — говорит св. Ефрем Сирин, — и не только юных, но и старцев ввергает в постыдные страсти" (Ефрем Сирин. Ч. I. М., 1881. С. 485)). Но по молитвам отца Архиппа брат осознал свою вину, просил прощения и немало этим порадовал богобоязненного подвижника.

В 1893 году преосвященный Ювеналий, епископ Курский (Ныне (т.е. в год написания книги. — Примеч. издат.) архиепископ Литовский и Виленский), осматривая Спасо-Илиодоровский скит изволил обратить особенное свое внимание на о. Архиппа и, получив о нем самый лучший отзыв от настоятеля, пожелал быть в келлии подвижника. На вопрос архипастыря: "Как поживаешь, старец?" о. Архипп ответил: "Боюсь мук вечных, боюсь геенны огненной, скрежета зубовного, червя неусыпаемого!.." и залился слезами. Потом говорит: "Спокойно живу, враг меня не берет". — "Ты уже поборол врага", — изволил заметить владыка и любезно простился с подвижником. На другой год архипастырь изволил снова зайти в келлию старца и беседовать с ним наедине. После того при свидании с настоятелем Глинской пустыни преосвященнейший владыка не раз справлялся об о. Архиппе. В 1897 году, обходя братские жилища Спасо-Илиодоровского скита и проходя мимо бывшей келлии почившего подвижника, архипастырь с молитвой об упокоении его перекрестился, а при отъезде из скита благоизволил зайти в приемную старца, где тогда хранился гроб его (О. Архиппа похоронили в другом гробу, а тот остался на память). Теперь гроба там нет. Выйдя из приемной, владыка в назидание скитянам сказал несколько слов о памяти смертной.

XVII

Не поставляют возженного светильника под спудом, но на свещнике, да светит всем. Так было с отцом Архиппом. Не укрылись его добродетели и дары духовные от посторонних; многие жаждали от него наставлений. Посему с 1890 года о. Архиппу за святое послушание благословлено было принимать посторонних посетителей. Тяжело было ему беседу с Богом менять на беседу с людьми, но, повинуясь воле своего аввы, старец принял возложенное послушание, как назначенное ему свыше. Для большего удобства и чтобы не стеснять братии, о. Архиппа перевели в ближний скит. Приемную составляла галерея, прилегающая к братскому корпусу, в которой по стенам были поставлены иконы, священные картины,

различные таблицы и листки духовно-нравственного содержания. Несмотря на болезнь и старческие немощи, о. Архипп часто выходил в приемную к народу, выдавал листки и книжки издания Глинской пустыни и траву. Тут он молился за приходящих и их сродников живых и умерших.

На богослужения подвижник ходил в обитель. Келейник его говорил: "Старец в 11 часов вечера тихо встанет, оденется и пойдет на утреню в монастырь, не беспокоя меня, а когда желал, чтобы я шел, кричал: "Погибла душа моя!" Это он, конечно, относил ко мне. Или же говорил: "Я пойду во ад, и ты за мной". С утрени о. Архипп не возвращался в скит, а до ранней обедни находил себе успокоение где-либо в коридоре или на пекарне. Там он, вменяя себе за уметы, ложился в угол на пол и так проводил время более в бдении, чем во сне.

XVIII

Из ближнего скита старца дважды переводили на место пустынных подвигов схиархимандрита Илиодора, где о. Архипп, как преуспевший в духовной жизни, поставлен был во главе братии. Сначала подвижник занимал ту келлию, которая построена была на месте сгоревшей пустынной келлии старца Илиодора. Во время жития в ней о. Архиппа она служила как бы гостиницей для приходящих. Тут временно помещались послушники, тут пили чай. Отцу Архиппу не было покоя, но не роптал он. Для неразвлеченной молитвы он уходил в лес и укрывался в какой-нибудь яме. Праздным старец никогда не был и не любил видеть, когда другие были без дела. Праздность — мать пороков, ее и старался прогонять о. Архипп. При устройстве здесь Спасо-Илиодоровского скита он сам копал колодец, вырывал корни, кустарники и т.д. То же заставлял делать послушников, свободных от обязательных послушаний. Иногда со своими сподвижниками он ходил в лес собирать травы или хворост. Идет и читает Иисусову молитву, показывая пример другим. Этим он многих приучал к молитве и отвлекал от празднословия. Братия, видя маститого подвижника первого на богослужении и в деле, соревновали старцу и друг другу. Все ходили на утреню, обедницу (В простые дни кроме суббот и воскресений в скиту литургии не бывает, а совершается обедница. (имеется в виду время написания цитируемой книги. — Примеч. издат).), вечерню и повечерие и не выходили до окончания службы. Даже несущие послушание на кухне не составляли исключения; по малому числу братства они управлялись со своим делом, не оставляя общей молитвы. Все единодушно работали, все разом шли к столу и опять на дело внешнего послушания. Так много значит личный пример святой жизни, труда и молитвы. Дар прозрения старца немало содействовал этому, а также один чудесный факт, сам по себе не особенно важный, но доказывающий богоугодность смиренного подвижника.

"Весной 1894 года, — рассказывал брат Яков (Ныне (т.е. при написании книги. — Примеч. издат.) монах Иосиф, бывший тогда в скиту и живший в одной келлии с о Архиппом), — я только что посадил грядку огурцов около келлии старца, прихожу к о. Архиппу, он говорит: "Надо огурцов посадить". Я отвечаю: "Посадил, батюшка". — "А это что?" — спрашивает он, указывая на плавающие в тазу негодные огуречные семена. — "Это негодные". Отец Архипп взял таз и вдоль всей грядки плеснул водой — летом те все огурцы взошли, а мною посаженные — изредка". При управлении братией отец Архипп кроме личного примера не употреблял никакой строгости, ничего не взыскивал, со всеми обходился отечески-ласково, но все братство, уважая его, боялось оскорбить старца чем-либо небогоугодным, и его молитвами охранялось от неуместных поползновений. Впрочем, нет правил без исключения. Такое прискорбное исключение было и среди братии Спасо-Илиодоровского скита. Один из братии в июне обрезывал сухие ветви у плодовых деревьев, скитского сада. Многократно братия, даже схимники говорили ему, что время обрезывания прошло. Брат отвечал дерзостью. Наконец, отец Архипп, как старший, сделал ему кроткое замечание. Брат грубо ответил: "Ты, схимник, знай свое дело, в чужое не суйся". После этого все молчали, а непослушный брат продолжал трудиться, может быть, в уверенности, что благодаря его уходу в тот год яблок

будет много. Во всяком случае старец прозревал его мысли и сказал: "Напрасно трудишься, яблоки все осыплются". Яблоки действительно осыпались преждевременно и вместо сотни мерок, обыкновенно собираемых со всего сада, было собрано не более сотни яблок. Так наказано было ослушание и оскорбление начальника.

Вблизи скита есть (имеются в виду времена написания книги. — Примеч. издат.) кирпичный завод, где в летнее время по мере надобности братия в то время делали кирпичи. Отец Архипп раз или два раза в неделю навещал тружеников и сам учил их как надобно класть глину в формы с молитвою Иисусовой. "Так будете делать, научитесь терпению, послушанию и молитве, и Господь облегчит труды ваши", — говорил он. В дождливую или пасмурную погоду работа шла труднее, враг спасения успевал всевать плевелы ропота. Тогда о. Архипп чаще навещал братию, ободрял, утешал и наставлял безропотно нести послушание.

XIX

Помимо руководства братии о. Архиппу и здесь, в Спасо-Илиодоровском скиту благословлено было принимать посетителей за скитской оградой в особой пристройке, по обстановке похожей на часовню. Первое, что там бросалось в глаза — это большое живописное распятие. Пока не построили приемной, распятие было в келлии подвижника. При взгляде на него о. Архипп еще более побуждал себя подвизаться до смерти, чтобы вечно жить со Христом. В приемной впереди креста стоял маленький церковный столик. На нем была икона и сосуд со святой водой для окропления приходящих. Направо по стене висели три большие живописные картины: одна из них изображала силу молитв одного святого мужа за своего умершего ученика, которого он увидел в геенском огне по шею. Другая картина представляла видения святого Андрея юродивого о том, как враг спасения удерживает грешника не каяться или скрывать грехи и как венчаются искренние исповедники. Третья картина показывала воздушные мытарства св. Феодоры. Такая обстановка приемной о. Архиппа и сам он в схимнических одеждах, с худым бледным лицом, впалыми щеками, потухшим взором, чуждый всякого пристрастия, с седой клинообразной бородой невольно поражали всякого и заставляли хотя на время отрешиться от земного и тленного, чтобы вспомнить "последняя своя". Взирая на старца, невольно приходилось переноситься мыслью в давно минувшие времена полного расцвета подвижничества, к образу древних великих аскетов, воспитанных безмолвием пустыни, вдали от всякой молвы сего мира. Казалось, в лице о. Архиппа воскрес один из тех ангелов во плоти. Не напрасно даже схимники называли о. Архиппа древним постником или одним из древних подвижников.

Посторонних посетителей обоего пола отец Архипп принимал в приемной или под открытым небом и редких из мужчин в своей келлии.

С посетителями, искренне ищущими совета и спасения, он уединялся. После тайных бесед с ним, все отзывались о подвижнике высоко. Праздно любопытствующих отец Архипп не любил, старался от них уклоняться. Однажды некий господин забросал старца вопросами, о. Архипп отвечал: "Я ничего не знаю" и все молчал, пока не ушел от него праздный вопрошающий. Другой раз двое приехавших в экипаже, заявили старцу желание побеседовать. Отец Архипп, как видно, узнал их праздное любопытство и ответил: "Что скажу вам? Я ничего не знаю; говорю, что мне келейники скажут". Посетители сейчас же уехали.

У старца был тяжелый чугунный крест, фунтов в 5, с тяжелой железной цепочкой. Иногда он его надевал на себя или на других и приговаривал: "Тяжел крест, но спасителен". И.Г. П-ов, как почитатель старца, пользующийся его советами, в начале устроения скита, когда о. Архипп там был за старшего, по благословению настоятеля жил некоторое время в скиту. Однажды он не пришел на утреню. После обедницы о. Архипп задержал И.Г. в храме, надел ему на шею чугунный крест и заставил читать Евангелие. По прочтении трех глав И.Г. сказал: "Пора батюшка, на чай". — "Читай еще, я послушаю", — ответил старец. Еще

прочтено было две главы, снова сделано напоминание о времени чая, но подвижник не отпускал того, кого любил и кого, любя, наказывал. По прочтении 6 или 7-ми глав, о. Архипп снял крест и спросил: "Знаешь за что? Почему не был на утрени?" А при первом знакомстве с тем же И.Г. отец Архипп зажег свечу и, держа свою руку на огне, медленно говорил: "Этот огонь ничто в сравнении с тем огнем, который будет жечь грешников на том свете. Этот огонь временный, а тот вечный, того огня нам надобно бояться". Сказав это, отец Архипп спокойно снял руку с огня и, несмотря на жжение, не показал никаких признаков боли. Нужно ли говорить, что его наставления, исходившие из опыта собственной богоугодной жизни, сопровождаемые подобными действиями, его слова, сказанные с чувством, благоговением, страхом Божиим, иногда со слезами, производили сильное впечатление на слушателей.

Старец вообще учил прежде всего делом не прилепляться к земному, не надеяться на богатство, знатность или славу; помнить смерть, ад, Царство Небесное, уготованное праведным и муки вечные, уготованные грешникам. Словесно отец Архипп наставлял чаще молиться Богу, помнить Его, ходить в храм Божий, соблюдать посты, каяться в грехах, избегать пустословия, праздности, трудом порабощать страсти. В частности, его советы и наставления были кратки, но разнообразны. Боримым страстями и впадавшим в смертные грехи отец Архипп говорил: "Там что? Подумай!" — или: "Тут хорошо, а что будет по смерти? Умрешь, что в гробу будет?" Зная, что пересыщение рождает плотские вожделения и делает язык многоречивым, а при многословии трудно избежать греха, отец Архипп советовал иметь воздержание в пище. Еще говорил: "Милостыня очищает всякий грех" (Тов. 12, 9). Лучше дать, чем взять. При этом с выписки по-славянски читал: "Егда Фома Апостол взя злато у некоего царя для построения палат в Индии и разда нищим, и паки взя и паки разда, тогда царь посла уведати и не обрете построения, всади его в темницу. И бе видение цареву брату, яко таковые палаты Фома устроил царю в Царствии Небесном. Возрадовался зело царь и отпусти Фому с великой честью". После наставления, о. Архипп клал несколько поклонов о здравии посетителей, просил их приложиться к иконе, окроплял святой водой, давал им нравоучительные листики, книжечки, молитвы, крестики, смесь трав, или кусочки хлеба.

XX

В действиях отца Архипп при принятии им посетителей мы не находили ничего предосудительного, но для ищущих вины, вина всегда найдется. Это зависит не от того, кого касается суждение, а от душевных свойств судящего. "Ум, движимый любовью к ближнему, всегда помышляет о нем (ближнем) доброе, и напротив: движимый противоположным чувством, предполагает в нем худое. Некоторые, ревнуя нечисто, как говорит св. апостол, за многое осуждали о. Архиппа и из скудельных своих кладезей напояли других питием мутным, чем, конечно, лишали многих пользы от советов и наставлений богобоязненного подвижника. Осуждали о. Архиппа за принятие женщин. "Схимник, а с женщинами возится". Но кому приличнее принимать было женщин: старому ли схимнику, высокой жизни, пришедшему в бесстрастие, или молодому и страстному иноку? Притом о. Архипп не по своему желанию принимал посетителей, а за послушание. Надо же удовлетворять духовные потребности народа, жаждущего наставлений и советов. Прозорливый, богобоязненный старец, конечно, более всего подходил для такого послушания. Неужели лучше было отцу Архиппу ослушаться и самовольно жить в уединении?..

Самовольно избранное послушание, хотя и благословлено, не имеет той цены, как то, которое исполняется с отсечением своей воли; последнее святыми отцами сравнивается с мученичеством.

Старца порицали даже за выдачу народу кратких молитв. Что же может быть выше молитвы, правой веры и терпения? Ими приобретается всякое благо. Поэтому св. Марк подвижник пишет: "Если хочешь кратким словом воспользовать любознательного, укажи ему

молитву, правую веру и терпение всех прискорбных случайностей. Архипп, не любящий многословия, так и поступал: он молился за посетителей, заставлял и их молиться, а давая молитвы Иисусову и Богородичную, указывал на важность молитвы. Утешая скорбящих и унывающих, он учил терпению и правой вере, ибо начальная причина скорбей и уныния происходит от неверия в пекущийся о нас Промысл всемогущего, милосердного и человеколюбивого Бога.

"К чему, еще говорили, выдавать мирским умносердечную молитву Иисусову, когда мирские о ней понятия не имеют?" Но сама по себе молитва Иисусова: "Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного", не есть еще умно-сердечная; о ней, как о молитве, всякий имеет понятие. Принимающие ее с верой в простоте сердечной во всяком случае не остались без пользы. Призывание имени Сладчайшего Иисуса прогоняет злые мысли, просвещает ум, согревает сердце. Всякий, получивший молитву и краткое наставление о. Архиппа: "Чаще читай", конечно, читал молитву несколько раз. А чего не может сделать благодать Божия? Кто знает: может быть Иисусова молитва, произнесенная с верой, многих избавила от злых помыслов, слов, дел и бед, многих обратила на путь спасения.

Молитва есть души ограда;

В напасти, скорби и слезах, —

Молитва нам за все награда:

С ней чувствуем мы жизнь в сердцах

Еще осуждали подвижника за строгость наставлений. "Слишком строг и суров, все толкует о смерти и муках! Какая тут любовь?!" Отбросив всякое пристрастие, должны будем согласиться, что в наставлениях строгого подвижника была именно самая чистая, возвышенная любовь. Он, по заповеди Спасителя, того же желал ближнему, чего и себе; чего не желал себе, того не желал другим. Боялся он мук вечных, о них говорил, чтобы другие их боялись и не попали в них. Памятовал он о смерти, которая внушала страх Божий и предохраняла от греха; той же спасительной памяти смертной он желал каждому. Значит, можно ли обвинять его за строгость и напоминание о смерти и муках? Если и при строгом учении многие живут далеко не строго, то что будет, когда умолкнут строгие учители, или когда не будет видно строгих примеров жизни, какую вел о. Архипп?

Враг спасения не любит гласа наставляющих, особенно тех, кто сильно влияет на других; он сейчас же поднимает вопль: "Где вам все так исполнить, вы немощны и слабы; это можно было требовать в прежнее время, а не теперь! Это стеснение!" и т.д. И рада этому воплю грехолюбивая изнеженная плоть, противница духа: она ни о какой строгости знать не хочет, но кто ищет спасения — иначе судит... Слово крестное погибающим юродство есть, а спасаемым сила Божия есть (1 Кор. 1, 18).

XXI

Иночествующих о. Архипп принимал у себя в келлии. Наставления его братиям, преимущественно своей обители, были весьма разнообразны и касались всей монашеской жизни. Будучи великим терпеливцем, он и другим советовал терпение. На вопрос брата С, как спастись, он отвечал: "Все терпи: — будут тебя ругать — молчи, будут бить — молчи, молись за обидчиков, смиряй себя постоянно и спасешься". Некоторые из молодых послушников, под предлогом порабощения плотских похотей, вдаются в непомерное воздержание и делаются малоспособными к послушанию. Отец Архипп советовал им без лености трудиться на послушании, избегать всякой праздности, а благословенную пищу вкушать по мере потребности, но без излишества. Так молодому послушнику, самовольно соблюдавшему большое воздержание в пище, на вопрос: "Как спастись?" отец Архипп ответил: "Трудись

постоянно, ешь и пей, что дают". — "А поститься и воздерживаться не надо?" — спрашивал его брат (При обычном течении жизни послушнику пост и мера определены мерой благословенного для употребления всем в трапезе, ибо особое воздержание и особый пост налагаются в известных случаях не иначе, как по благословению старца, духовника или настоятеля). "Ну не ешь, — ответил ему о. Архипп, — не будешь нести послушания, не будешь жить в монастыре". Один брат скорбел, что по послушанию ему приходится обращаться с посторонними и терпеть разные искушения. Отец Архипп ему говорил: "Ты знаешь, послушание не умирает, терпи и получишь награду, как тот послушник, который все переносил за послушание (Акакий в 4-м слове у Иоанна Лествичника). Умер он и похоронили его, пришел к нему старец и спрашивает: "Умер ли ты?" — "Нет, отче, — отвечает он, — как можно умереть послушнику". Терпи и ты ради Господа". Старшему живописной, где было много юных послушников, о. Архипп в 1890 г. говорил: "Береги мальчиков: они более смиряются, когда хуже едят и больше на послушании. Трудность послушания спасет". Совет был принят к исполнению.

Через некоторое время о. Архипп говорил: "В живописной идут тесным путем и спасаются". Должностному лицу в обители советовал не оставлять молитву, когда очень спешного дела нет. "Если могут подождать тебя, — говорил он, — ты не бросай своего правила и избавишься от бед".

Была у о. Архиппа одна игуменья. Отец Архипп говорил ей: "Тебе дан посох, он от земли до неба простирается (так значит велика власть настоятельская); требуется рассуждение. Кто тебе посох дал"? —"Владыка". — "Бог, — поправил старец и добавил, — архиерей его дал от Бога". Простившись с одним иноком, уходящим в другую обитель, о. Архипп сказал: "Какой монах, когда из монастыря в монастырь ходить будет".

Для наставления братии у о. Архиппа было написано полууставом несколько выписок из Священного Писания, церковных песнопений и творений святых отцов. Вот некоторые из этих выписок: "Тело свое держи строго и в пище, и во сне, и в отдыхе, ничего не давай ему потому только, что оно хочет. Апостол заповедал: "Плоти угодия не творити в похоти" (Рим. 13, 14). Всякое древо, не дающее добрых плодов, т.е. умного делания, бывает посекаемо и в огонь ввергаемо (слова аввы Агафона у Нила Сорского в предисловии). Люби келлию, яко рай. Если тебе в келлии скучно, то от того, что еще Господа не любишь. Послушание паче поста и молитвы (В приведенном выражении под послушанием следует разуметь повиновение, которое в иноческой жизни действительно выше всех подвигов, в том числе поста и молитвы, так как самохвальное духовное делание ведет к самообольщению и всеми учителями монахов осуждается. Поэтому внешнее делание за послушание выше самовольной молитвы и самовольного поста. Но если спросят, что выше, молитва за послушание или внешнее дело за послушание, то ответим словами св. Ефрема Сирина: "Занятие молитвой и словом Божиим есть важнейшее и первое дело. Оно выше всех заповедей и добродетелей, когда совершается надлежащим образом" (3-я часть Ефрема Сирина. М., 1882. С. 555). Установители иноческой жизни молодым и новоначальным до порабощения страстей советуют труд по слову псалмопевца: "Виждь смирение и труд мой и остави вся грехи моя". Старцам отцы советуют держать молитву). Послушание не умирает. Тому человеку рай будет, кто послушание исполняет. Злоба никогдаже ижденет злобу. Аще кто тебе зло творит, твори ему добро". Желая обличить неправильное исполнение подвигов, о. Архипп говорил: "И бык трудится, и бык смиряется: надо на все иметь рассуждение". Вот еще несколько кратких изречений старца:

"Придя в монахи, не говори о мирском, а о монастырском. Говори необходимое, а то — новости одному, тот другому, пятому, десятому... для других вред и для тебя. От разговора теряются чувства (умиление, страх Божий и проч.). Когда спрашивают, отвечай коротко: одно-два слова. Будь молчалив; даже глупый, когда молчит, кажется мудрым".

"Великий вред от празднословия: слово — дар Божий. Все ничто, если не научишься, когда сказать и когда молчать. Говори тихо и не смейся. В келлию к себе никого не зови и сам ни к кому не ходи. Мышь, когда сидит в норе, не уловляется кошкой, а как только выйдет, уловляется, так и нас ловит враг спасения. Монаху надо жить в скудости. Когда хвалят, нужно

плакать, а когда укоряют и ругают, тогда грехи снимают".

"Помни смертный час: ах, умереть надо, а смерть грешнику люта!"...

XXII

Без всякого лицеприятия старец иногда обличал ближних. Обличение его приносило благотворные плоды. Еще рясофорным послушником о. Архипп показал это нелицеприятие. Архимандрит Т., бывший на покое в Глинской пустыни, просил настоятеля поместить с ним в одном коридоре такого монаха, к которому бы никто не ходил. Назначен был Архипп (тогда еще Афанасий). Архимандрит полюбил простого и смиренного соседа, часто ходил с ним на прогулку и был весьма разговорчив. При многословии, говорит премудрый, не избежишь греха, так случилось и тут. Молчаливому спутнику многое казалось лишним. Раз он не утерпел и в простоте своей сказал: "Не следовало бы тебе говорить этого, ты третье лицо в России: первый — митрополит, второй — архиерей, а третий — архимандрит".

Один благодетель обители, несмотря на свои старческие лета, ходил в сюртуке и носил накрахмаленную рубашку. Отец Архипп говорит ему: "Сюртук замени длинной свиткой и подпояшься поясом, рубашку носи простую. К чему тебе наряжаться, ты старик, тебе надо к смерти готовиться".

Приходят к о. Архиппу два господина, служившие на видных местах в земстве. Подвижник в первый раз их видел. "Вы пришли ко мне получить наставление, — говорил он, — слушайте: занимаете вы хорошие места, для других должны служить примером, чтобы вами не соблазнялись, а вы как живете? Вот ты уже старик, а что делаешь? Не думайте, все так пройдет; Господь взыщет за все. Будьте справедливы, не обижайте никого, избегайте всяких греховных пожеланий. Более ничего, простите меня, я глуп, неученый". Пришел к о. Архиппу некто, слишком неживший свое тело. Старец прямо ему говорит: "Ты гладкий, а вот сегодня-завтра смерть, и тогда все пропадет".

Священноиноку N. старец-руководитель (Но не о. Архипп) не благословил пить вино. N. ранее пил очень мало и то только по просьбе, при случае, ему нетрудно было исполнить заповедь, но врагу спасения так или иначе хотелось погубить его душу. Через вино он находит возможность вовлечь инока во все другие пороки, заставляя нарушить обеты послушания, нестяжания и целомудрия. Отец N. заболел. Ему под предлогом лекарства предлагается настой из водки. Не подозревая никакой опасности, N. начал принимать горькое лекарство и привыкать к водке. Помня заповедь старца, он употреблял лекарство тайно. Господь, хотящий всем человекам спастись, через о. Архиппа разрушил козни врага. Однажды во время вселенской панихиды, когда певчие были на середине церкви, священноинок N. стоял на правом клиросе в теплом храме рядом с о. Архиппом, вдруг от иконы Святителя Николая слышит повелительный голос: "Послушай, послушай, послушай!" — "Слова эти сильно отозвались в моем сердце, — говорил N.. — и как бы разлились по всему телу. Я не верил своим ушам, стал осматриваться. Отец Архипп вышел из формы (Формами называются особые места, где стоят в церкви монахи), приблизился ко мне и с угрозой стал обличать: "Ты правила старца не читаешь, в церковь не ходишь!... Что ж ты думаешь?.. Ты стал вино пить, даже водку; смотри, ляжешь спать и заснешь на век (По свойству болезни N. это могло вполне случиться). Ты монах, даже более. От вина блудные помыслы, и тянешься к падению. Старайся на утреню ходить, хоть на часть... Твои родные померли многие, ты болеешь... Не ходи по келлиям: странствовать худо, сиди на одном месте, без послушания — никуда. Мне возвестилось это сказать тебе. Смотри!.. Не пей вина, ходи в церковь". Тут о. Архипп предсказал будущее назначение отца N.. которое и состоялось в свое время. "Вот за тебя три поклона", — сказал вдохновенный старец и, положив поклоны, спрашивает: "Ты не будешь скорбеть"? Говорить ли, какое благотворное влияние произвели столь сильные обличительные слова подвижника, в которых высказана была вся сокрытая жизнь отца К? (Он сейчас же записал их. Прошло более 10

лет, старец умер, отец N. дал нам буквально списать слова подвижника, объяснив подробно все обстоятельства этого замечательного в жизни его случая).

Однажды приходит к отцу Архиппу приехавший из другой обители священноинок. Отец Архипп сразу же спросил его: "Ты отчего живешь без руководителя? Отчего редко в церковь ходишь? Почему так и сяк живешь?" Всю жизнь посетителя видел старец. Почему не имел руководителя и почему не ходил в церковь, священноинок дал ответ, но относительно своей жизни должен был сознать себя виновным и, видя в старце человека Божия, просил прощения. Отец Архипп дал ему спасительное наставление. После таких обличений, казалось бы упомянутые священноиноки должны быть недовольны подвижником, но по слову Божию: обличи премудра и возлюбит тя (Притч. 9, 8), они истинно возлюбили старца и отзывались о нем в самых лестных выражениях. Так исполняется изречение древней мудрости: обличающий человека найдет после большую приязнь, нежели тот, кто льстит языком.

Однако обличения старца не всегда имели такие результаты. Людям иных взглядов на жизнь и привыкшим к удовлетворению похотений бренного своего естества, не могли нравиться наставления и обличения строгого аскета. Он одним казался странным, другим невыносимым. Вместо того, чтобы о благом по естеству благое мыслить и о всяком человеке помышлять доброе, как научают святые отцы, лукавый разум помышляет злое и добрые дела ближнего перетолковывает к уменьшению их достоинства (Авва Фаласий. М., 1855. § 1 третьей сотницы и § 83 второй сотницы. По естеству или по своему началу благ пост, блага молитва, милостыня, добрые наставления, чтение слова Божия и т.д. Не думай, не подозревай, что их делают с другой какой-либо целью, кроме одной цели угодить Богу, оказать любовь ближнему и спасти себя).

"Чем кто благочестивее, на того тем более диавол понуждает нас озлобляться. Кто святее, на того взводит большую хулу. Перед простосердечными побуждает возноситься, простоту их веры, да и самые предметы их веры и благоговейного поклонения, — презирать" (Из дневника о. Иоанна Кронштадтского "Кормчий". 1895. № 4). И потому мы не удивляемся, если находились говорящие не в пользу о. Архиппа. Плотолюбец не может истинно похвалить распинающего плоть свою, невоздержный — постника, славолюбивый — бегающего славы и т.д. Вот почему некоторые доброе называют злым и злое добрым (Исайя 5, 20) (Справедливо говорит премудрый: не обрящешь в злых разума (Притч. 14, 6). Вопреки общему мнению о богоугодности прославленных старцев нам некоторые про них говорили одно худое. Не желая отравлять слух ядом злоречия, мы спешили удаляться от них). Всем угодить трудно; угождая благочестивым, не угодишь злочестивым; неложно говорит Сама Истина: горе, егда добре рекут о вас вси человецы. Не всегда слыша похвалы о. Архиппу, мы еще более удостоверялись в истине его благочестия. Конечно, духовноопытному нетрудно узнать человека. "Если хочешь узнать сердечные помышления, — говорит св. Ефрем Сирин, — обрати внимание на уста: от них узнаешь, о чем заботиться и старается сердце: о земном или о небесном, о духовном или о плотском, об удовольствии или воздержании, о многостяжательности или нестяжательности, о смиренномудрии или о высокоумии, о любви или ненависти. Из сокровищ сердца уста предлагают снеди приходящим, и то, чем занят язык, показывает, что любит сердце: Христа или что-либо из настоящего века. И невидимая душа по телесным действиям делается видимой, какова она — добра, или зла". Но кто смотрел на о. Архиппа с предубеждением, считал его безумным, сам не присматривался к его словам и подвигам, не знал или не хотел знать его, когда он пришел в меру духовного возраста и получил от Бога благодатные дары. Тот оставался в неведении о старце и много погрешал, отрицая то, что говорило про подвижника большинство. Часто мы видим что-либо малое, по нашему погрешительное, а великой добродетели, совершаемой тайно, не видим. При этом надо еще иметь в виду, что "ко всяким добродетелям претыкается зло, и посему лукавые добродетель перетолковывают в порок". "Святые, — говорит святитель Димитрий Ростовский, — имеют в себе нечто зазорное; они, как человеки, подлежат человеческим немощам, совершен только один Бог". Но именно за такие немощи и за чудачества осуждали о. Архиппа. Отец настоятель, знавший подвижника 30 лет, вынужден был образумить заблуждающихся. В защиту старца он сказал следующее:

"Это великий муж, дай Бог, чтобы у нас таких было более. Его молитва имеет значение. Не смотрите на его немощи и чудачества. Надо понимать его чудачества. Он все в нас видит: умрет, тогда поймут, какой он был светильник (Это вполне исполнилось. По смерти старца многие стали говорить о его благодатных дарах и те, кои прежде не видели в о. Архиппе особенного, сами признали в нем великого подвижника). Нам надо не осуждать его, а подражать ему. Чудачества его и немощи не вредны, а подвиги достойны подражания. Несмотря на свои преклонные лета, когда проспал он хоть раз утреню, когда ушел раньше конца службы? Пусть скажут. Я не знаю, пропустил ли он хотя одно богослужение. Он не ест вовсе с маслом, причащается еженедельно, читает Псалтирь, беспрестанно в труде, другим показывает пример. Что же еще надо?"

XXIII

Зная жизнь старца, его слова и дела, мы не усомнимся сказать, что сей немудрый у людей, но мудрый у Господа, умудренный опытом жизни, не читая святоотеческих книг, учил и действовал святоотечески, ибо "уста смиренномудрого изрекают истину". "Научившийся от Бога божественному может без учения человеческого разуметь человеческое". Исполнение этих изречений святых мы видим на отце Архиппе. Он был хотя невежда словом, но не разумом (II Кормч. 11, 6).

Приведем несколько примеров духовной мудрости подвижника.

Иноку N. всякое посещение отца Архиппа приносило великую пользу; у него всегда было желание бывать у старца как можно чаще, но с другой стороны лукавый враг заставлял бояться прозорливца: "Пойдешь к о. Архиппу, он зная грехи твои, обличит тебя". В действительности обличит его (врага), который желает, чтобы мы возненавидели вразумление и тем его самого избавили от позора. "Я, — говорил отец К., — желал идти к о. Архиппу в то время, когда у меня будет лучшее душевное состояние, а между тем, по самонадеянности своей, приходил в худшее. Созидал и разорял, и снова откладывал посещение старца. Только по впадении в грех решился просить молитв о. Архиппа, но все же опасался его обличения при других. Пришел к нему и застал несколько братии. Просил помолиться. Что же делает о. Архипп? — Обличает, но как? Берет списанную полууставом надгробную стихиру великой субботы (поется по великом славословии) и начинает читать внятно по складам, повторяя одно и то же: "Приидите, ублажим Иосифа приснопамятного в нощи к Пилату пришедша и Живота всех испросивша — даждь ми сего страннаго, Его же Мати зрящи на кресте висяща, рыдающи вопияше и матерински восклицаше: "Увы мне!"…Слова "в нощи" и "увы мне" о. Архипп сказал ясно, громко, повторил их с особым ударением. Для меня они имели особое значение, для других показывали благочестивое воспоминание страстей Господних. Так мудро *буй мира сего* может обличать мысли и страсти наши.

Однажды к о. Архиппу пришел отец М. и застал у него другого инока. Тот и другой стеснялись спрашивать старца, он сам их выручил. Перебирая листики с выписками, не без цели уронил один листок на пол, при этом сказал отцу М.: "Молись и клади поклоны после утрени; спрашивай себя, проживешь ли этот день". М. действительно иногда ночью совершал свое келейное правило с поклонами, но сомневался, полезно ли это. Отец Архипп разрешил его тайное недоумение. Не менее мудро старец дал наставление другому, бывшему тут иноку. Начинает читать листок и будто не разбирает: "До... до... не разберу, на, прочитай". Тот читает именно то, что соответствовало его душевной потребности.

Один брат пришел к подвижнику для душевной пользы, но стеснялся спрашивать. Познав его помыслы, о. Архипп незаметно для других дал ему нужный ответ. "Приходил ко мне один мужичок и спрашивал, как избежать блудных помыслов, сонных видений и греха? Когда, говорю ему, ешь сытно в три-четыре блюда, — кровь кипит, засматриваешься днем, а ночью видишь. Ешь хлеб, да воду: кровь кипеть не будет, страсти утихнут, видения

прекратятся и согрешать в помысле не будешь". Под видом мужичка брат познал себя и совет старца принял к сведению.

Так не наученный человеческой мудрости, но наученный от Духа Святого (1 Кор. 2, 13), отец Архипп был мудр во благое и прост на злое (Рим. 16, 19). Сам Господь умудрял его, как поступить в том или ином случае ради спасения ближних, не оскорбляя их, не выставляя себя и не обнаруживая другим душевного состояния приходящих.

Инокиня А.А. спрашивала старца, согласиться ли ей жить вместе с одной монахиней. "Она как к тебе расположена?" — "Да ничего". — "Любит?" — "Любит", — отвечала инокиня. "Надо узнать: как любит? Истинно любит — живи с ней". В последнем вопросе нельзя не заметить мудрости старца, ибо редко можно найти чистую бескорыстную христианскую любовь. К ней, так же как и ко всякой добродетели, примешивается зло (сладострастие, или честолюбие).

Некий начальник поставлен был в затруднительное положение и не знал, как из него выйти. О. Архипп посоветовал написать письмо к высокопоставленному лицу. Совет был принят. Но письмо как-то не удавалось. Снова спрашивают у, якобы, немудрого старца, как писать? Отец Архипп посоветовал написать: "Тяжко мне и обоюдно тесно"... Далее он развил мысль, и письмо имело желаемый успех.

Отец N. смущался духом и долго боролся с унынием, но не решался сказать о нем своему старцу-руководителю. Ему казалось: лично у него много напрасных хлопот и забот, мало спасительного; жизнь проходит как будто без всякой пользы (От некоторых подвижников, Господь, ведающий для них лучшее, скрывает меру их духовного возраста, а нерадивым, разленившимся, холодным в деле спасения, мысль о бесполезности жизни в обители внушает враг спасения, с желанием в поисках подвигов выше меры, заставить их оставить и малое. Окончательная цель коварных злоумышлении диавола состоит в том, чтобы совершенно расстроить жизнь инока и привести его в отчаяние (Св. Иоанн Лествичник)). К нему в келлию пришел о. Архипп. N. начал высказывать свои мысли. Старец соглашался, поддерживал. Видя единомыслие подвижника, отец N. высказал все откровенно. Вечером того же дня по молитвам старца он пришел в познание истины, осознал свое положение, убедился в неправоте своих суждений, отрекся от них: всех обвиненных оправдал, а себя, оправданного, признал во всем виновным и немало удивлялся отцу Архиппу, что он подтверждал его заблуждение. В сущности со стороны мудрого старца было желание дать высказаться, облегчить сердце и узнать причину душевной болезни. Утром на другой день о. Архипп встретил отца N. и говорит ему: "Не унывай, слава Богу за все... Господь милостив"... Эти слова ободрили кающегося и поселили уверенность, что и он не даром живет, но приносит хоть малый посильный плод и не забыт будет у Бога... Из слов старца о. N. узнал, что Господь возвестил подвижнику о перемене душевного его устроения, о покаянии и побудил ободрить его, чтобы он снова не впал в уныние.

Старец Божий, зная немощи человеческого естества, открывал только то, что были способны понять, выслушать и кто принимал слова его близко к сердцу, с верой, тем оно по благодати Божией и было на пользу.

Ничто из земных выгод лично не занимало о. Архиппа, но, как сын обители, он радовался ее радостью, печалился ее печалью и душевно желал обеспечить содержание братии. Людям, могущим благотворить от своих избытков, он говорил: "Что дашь, то твое, что не дашь — не твое". По-видимому тут — противоречие; но на самом деле действительно так. Данное на доброе дело, ради Бога, — наше, как совершившееся, могущее по смерти идти вслед за нами (Апок. 14, 13) и предстать ходатаем за нас у Судии Бога, а оставленное у себя неизвестно, пойдет ли нам на душевную пользу: может быть потратится на различные предметы роскоши и удовольствия, принося душевный вред. Хотя на случай смерти пишут завещания, но не в воле завещателя исполнить их. Притом данное по необходимости, когда в

нем нет нужды, не имеет уже той цены. Итак, только данное нами на доброе дело при жизни, может считаться вполне нашим.

Келейник просил у старца благословить ему чугунный крест. Старец не благословил, несмотря на неотступную просьбу. "Тебе не полезно", — сказал о. Архипп. Келейник уверял, что он носить креста не будет, а просит только для памяти. Но не получил просимого. Так мудрый подвижник боялся дать ближнему то, что при ревности не по разуму может послужить не во спасение души, а на о обольщение, превозношение и погибель (Св. Иоанн Кассиан пишет: "Все, что принимается одним или несколькими, а не всем братством, то излишне или гордостно и потому должно быть сочтено вредным, более обличающим тщеславие, нежели показывающим добродетель". (Древн. иноч. уст. М., 1892. С. 521 и 522)

В житии старца Серафима Саровского (Муром, 1893. С. 67 и 68) читаем: "Вериг и власяницы о. Серафим не носил и другим не советовал надевать их. Кто нас оскорбит словом или делом, и если мы переносим обиды по-евангельски — вот и вериги наши, вот власяница! Эти духовные вериги и власяница выше железных, которые надевают на себя нынешние люди. Правда, многие из святых отцов носили и власяницу и железные вериги, но они были мужи мудрые и совершенные, и все это делали из любви Божией, для совершенного умерщвления плоти и страстей и для покорения их духу. Но мы еще младенцы, и страсти все еще царствуют в нашем теле и противятся воле и законе Божию. Так что же будет в том, что мы наденем и вериги и власяницу, а будем спать, пить и есть столько, сколько душе хочется? Мы не можем и самомалейшего оскорбления от брата перенести великодушно. От начальнического же слова и выговора впадаем в совершенное уныние и отчаяние, так что и в другой монастырь выходим мыслью и с завистью указываем на других из своих собратий, которые в милости и доверенности у начальника. Можно ли в таком состоянии духа и жизни покушаться носить вериги и власяницу?".

Власяницу св. Василий Великий признает полезным носить монахам (по благословению руководителей) только во время, необходимое для удручения и смирения тела; в другое же время употребление ее не допускает. (Древ. ин. уст. С. 309). Мы знали некоего монаха, который носил власяницу, и в превосходстве своего подвига перед другими, всех оскорблял, а сам не мог понести и малейшего оскорбления. Во сто раз лучше ему было носить мягкие одежды, окаянить себя за нежность, иметь мирный дух и обходиться со всеми мирно.).

Все вышеизложенные случаи вполне свидетельствуют, что подвижник, несмотря на свое видимое неразумие, для знающих его казался далеко не таким. Можно ли, например, назвать его неразумным, когда он весьма разумно учил других, как следует читать по-славянски и исправлял у чтецов ошибки. Своего келейника он долго не мог научить читать именно так, как ему желалось. Он требовал читать по-церковному одинаковым ровным голосом (Неровное чтение, с выкрикиваниями и сильными понижениями, режет слух и заглушает тихо произнесенные слова. Такое чтение требует особого внимания слушателей, скоро утомляет их и раздражает нервы. При таком настроении невозможно молиться. Совершенно противоположно действует спокойное ровное чтение. Вот какие правила для чтеца написал епископ Игнатий (Брянчанинов). "Чтец должен читать не спешно и не протяжно, произносить слова отчетливо, внятно. Читать должно просто, с благоговением, в один тон, без изливания своих чувствований переливами и изменениями голоса. Предоставим святым молитвословиям действовать собственным их духовным достоинством на слушателей. Желание преподать предстоящим свои чувствования есть знак самомнения и гордости (§ 19 правил наружного поведения для новоначальных иноков). Так почему же, спросят, отец Архипп выделялся из прочих? Он поступал не самовольно и как приобретший опыт, ибо праведнику закон не лежит. (1 Тим. 1, 9).).

Послушник N.. ученый светским наукам, читал в церкви, держась гражданского выговора, с ударением на букву "а", чего славянский язык не терпит. Отец Архипп захотел его исправить. Берет он славянскую книгу, открывает ее и говорит N.: "Посмотри, так ли я читаю". Начинает складывать: "Бо-го-ро-ди-це". N. говорит: "Богородице". Старец снова складывает и выговаривает протяжно: "Богородице". Так повторил несколько раз; ученый брат наконец понял, в чем дело, и начал читать без изменения "о" в букву: "а".

Самолюбивых, которые не могут терпеть никакого замечания, невозможно направить на истинный путь, хотя бы они и заблуждались. Собственное "я" у них важнее всего. Как таких наставить? Отец Архипп умудрился. Он спрашивал их, как незнающий, именно о том,

что для них было на пользу, или просил прочитать ему то, что давало им нужное наставление.

Иеромонах Г-ий, прежде подвизавшийся в Глинской пустыни, после смерти старца, говорил: "Я знал мудрость о. Архиппа, несмотря на то, что сам он себя и некоторые называли его "дураком". Истинный делатель заповедей не требует много наставлений. Отец Архипп, когда у старца схиархимандрита Илиодора заставал других, сейчас же уходил, а обращался наедине, иногда на дороге, коротко что-то спросит, получит такой же ответ и уходит".

Таким образом изречение св. Марка Подвижника: "Видел я простецов, делом смирившихся, и стали они мудрее мудрецов", кажется, можно вполне применить к отцу Архиппу.

XXIV

Когда человек грешит и не сознает себя виновным, Бог для вразумления его посылает скорби. Они еще более умножаются, если принимаются с ропотом, как незаслуженные. Отсюда происходят сетование, печаль, уныние. Но истинные подвижники в самой скорби видят любящего Бога, Который наказует любимых и бьет всякого сына, его же приемлет (Евр. 12, 6). Так и отец Архипп, несмотря на свой претрудный образ жизни, не только сам всегда благодушествовал, но, движимый любовью к ближним, то рано утром, то поздно вечером, то в одном, то в другом месте являлся утешать скорбящих и малодушных. "Чудный он у нас, — говорил про него скитянин отец В., — сам едва ходит, а когда надобно утешить другого, прибежит веселый, запоет о смерти, ободрит словом, видя его невольно сам ободришься". Веселое сердце благотворно как врачевство, а унылый дух сушит кости (Притч. 17, 22). Однажды того же отца В., обвиняли в самовольной ловле рыбы. Дело это разбирал благочинный. В., по малодушию своему, сильно скорбел. Вдруг к келлии его — вне скита, пришел отец Архипп, сел на скамейку и начал петь погребальную священную песнь: "Приидите последнее целование дадим, братие, умершему, благодаряще Бога" (Неизвестно, какое значение эти слова имели у отца Архиппа, кроме одного воспоминания о смерти, но он их часто пел. Под словом умершего он мог разуметь лично себя, или другого умершего миру или умершего душой, так что во всякое время сии слова могли иметь свое особое значение)... В. пригласил старца в келлию. Вместо приветствия отец Архипп просит его не скорбеть, и он успокоился. Приехал благочинный. Отец Архипп спрашивает его: "Говорят, меня тут за начальника поставили (Тогда отец Архипп был в скиту за старшего), могу ли я распорядиться одним человеком?" Получив утвердительный ответ, он сказал: "Я благословлял В. рыб ловить, пусть и теперь сходит: я с тобой поем рыбки". В. пошел, скоро поймал большую щуку, для старцев была приготовлена хорошая уха. Другой раз во время богослужения в скитском храме старец подходит к монаху Г. и говорит ему: "Не скорби", а потом спрашивает: "Ты не скорбишь?" — "Нет, батюшка, теперь особенных скорбей не имею". — "Ну так будут скорби, только ты не скорби, на свете все перевертывается и изменяется. Тебе бы лучше отказаться от старшинства". Сказав это, старец пошел на свое место и схиму, которая у него была одета на изнанку, перевернул на правую сторону. По некотором времени отца Г. сменили со старшинства и назначили на другое послушание.

Скорбящий и унывающий брат А-сий решился тайно уйти в другую обитель. "Была суббота, — говорил он, — я думал завтра рано оставить монастырь. В воскресенье в 5 часов утра выхожу в коридор, вижу отца Архиппа (он тогда жил в ближнем скиту). — "Дай мне умыться", — сказал он. Я его пригласил в келлию. Тут он стал уговаривать меня оставить свое желание: "Оно не от Бога, а по искушению", — говорил старец. Более часа пробыл у меня отец Архипп: то говорил, то молился один или вместе со мной. Позвонили на раннюю обедню, а он все увещевал меня. По его молитвам и убеждению я остался в обители.

Монах З. изнемогал от великих испытующих веру и терпение скорбей. Несколько раз он собирался посоветоваться с отцом Архиппом, который служил ему всегда образцом

монашеского терпения, но все что-либо ему мешало.

Вдруг сам отец Архипп бежит к нему, чего прежде не случалось: подбежав к отцу З., он говорит: "Не унывай, Матерь Божия тебя утешит". Успокоенный словами и молитвой старца, монах З. получил облегчение, готовый снова все терпеть ради вечного воздаяния. В скором времени положение его изменилось к лучшему.

Монах Т. говорил: "По поступлении в обитель меня послали караулить луг вместе с отцом Ф. Тут на меня напали страшные скорби, готов был уйти из обители. Однажды в праздник отец Ф. пришел из церкви и подает мне просфорку от отца Архиппа, которого я вовсе не знал; скушал просфорку, и скорби прошли. Потом я стал посещать старца. Пойдешь к нему со скорбями, напьешься чаю и они сами собой пройдут. Отцу Архиппу не надо было говорить о скорбях, сам узнает и утешит. Он даже не позволял говорить о скорбях, знал, что повторение скорбных помыслов приносит еще больший вред. В одно время у меня были скорби, и я пошел к отцу Архиппу с непременным желанием высказать ему все: он встретил меня с словами: "Не скорби", — усадив пить чай, говорит: "Слышал, как я сегодня читал Апостола? — "Нет, на ранней обедне не был". "Ну так я тебе прочту". Он начал громко, как в церкви, читать заупокойный Апостол (Ранняя обедня в простые дни в Глинской пустыни всегда совершается заупокойная). Вместо слез, на меня напал неудержимый смех, с которым вышло все мое горе, и я пошел от старца совершенно успокоенный".

У благодетеля обители, помещика М.Ф. Улазовского заболела нога. Доктора успокаивали его, а родным говорили о необходимости ампутации. Услышав это, больной пожелал лучше прибегнуть с молитвой к Богу и с этой целью отправился в Глинскую пустынь. "Приехал я вечером, — говорил он, — на завтра встал рано, еще не было и пяти часов. Выхожу и вижу отца Архиппа, он, как видно, ожидал меня. Пригласил меня сесть на лесенке и говорит: "Не скорби, будешь здоров, еще не умрешь". — Нога моя поправилась".

"Терпи, все пройдет, надейся на Бога, избавит; молись, Матерь Божия поможет; надо терпеть, с чем туда явимся?" — Вот обычные наставления и ободрения отца Архиппа скорбящим и унывающим. Вообще старец словом, а главное примером своей жизни, всех побуждал к терпению, поддерживал слабых, вразумлял неразумно-скорбящих или своими молитвами избавлял их от скорбей, когда последние не могли им, по их же вине, приносить спасительного плода.

XXV

Св. Ефрем Сирин говорит: "Если сподобились духовных дарований по благодати Христовой, будем друг с другом иметь общение всех благ к назиданию и пользе самих себя, ближних и всех человеков. Ибо, исполняя так закон Христов, соделаемся достойными вечной жизни". Отец Архипп так и поступал. Выше мы уже упомянули о некоторых случаях, где виден дар его прозрения, являвшийся у старца весьма обильно. Приведем здесь еще несколько таких случаев.

Брат Антоний пришел к отцу Архиппу попросить его молитв. "Все тужишь, — говорит ему старец, — о своих не молишься".

— "Я молюсь", — отвечал, Антоний.

— Как?

— За упокой отца и о здравии матери.

— Молись о них за упокой.

— Мать еще живая.

— Молись за упокой, — повторил подвижник.

Придя от отца Архиппа, брат Антоний получил письмо с родины, извещающее о смерти матери. Был уже девятый день по ее смерти. Он опять пошел к старцу и сказал ему о получении письма. Отец Архипп, как бы с упреком за недоверие к словам его, сказал: "Девятый день, а ты за здравие молишься!?"

Монах С. и брат N. шли в скит к отцу Архиппу. Первый знал силу старческих молитв и хотел просить помолиться о здравии сильно болящей матери. Другой, новоначальный, имел еще светские взгляды на монашество, шел по-видимому более посмотреть скит, из любопытства, нежели пользоваться чьим бы то ни было советом. Подходят к скиту. Навстречу им выходит сам старец. По взаимном приветствии, С. просит помолиться о здравии матери. Отец Архипп говорит: "Будет здорова, пойдем, помолимся". В келлии он положил 12 поклонов и снова повторил: "Будет здорова". Больная действительно поправилась. Брата N. старец заставил читать Евангелие. Открыл его, как пришлось, на 18 главе от Иоанна. Когда N. дошел до 10 стиха 20 главы: Идоста же паки к себе ученика, подвижник прибавил: "в мир". — "Отец Архипп брату N. предсказывает выход из обители в мир" — подумал про себя монах С. По окончании чтения отец Архипп стал говорить пришедшему брату: "Пришел ты в монастырь, надо на утреню ходить, на акафисты, не все сладко есть; приучай себя ко всему; от чревоугодия спать хочется, от сна страстные помыслы рождаются. Домашние попечения оставь, да и свое рассуждение, а то мы люди ученые — рассуждать любим... Таким трудно спастись, такие скоро уходят, а кто смиряется, ничего не знает, тому легче жить в монастыре... Ты скорбей понес много; если будешь покоряться, то поживешь еще!" Таким образом старец, первый раз видевший этого новоначального, узнал все его прошедшее и настоящее. N. скоро ушел "в мир", и слова отца Архиппа исполнились.

N.N. хотел поступить в Глинскую пустынь, но несколько дней не мог дождаться приема у отца настоятеля. Пошел он к о. Архиппу и спрашивает. "Не знаю, батюшка, поступить ли мне, вот уже несколько дней не могу дождаться..."

— Куй железо, пока горячо.

— Может быть, меня еще не примут?

— Куй железо, пока горячо.

Вдруг в келлию старца приходит о. настоятель. Старец говорит N.N.: "Просись". Отец игумен спрашивает о. Архиппа: "Принять?" — "Прими", — и N.N. был принят в число братства.

Глинский иеромонах просил старца принять четырех девиц с его родины.

Отец Архипп помолился за них и дал каждой листик или книжечку, вынимая их то из середины, то из-под низу, то сверху. Содержание статей вполне соответствовало потребности души каждой. Так получившая книжечку "Гибельные последствия похоти очей" призналась, что действительно слишком много засматривается на красоту мужчин. Получившая листок о почитании родителей, имея мать-старуху и малую сестру или брата, хотела идти в монастырь. Девице, живущей в большом семействе, досталась таблица о мире между домашними. Вообще старец каждому давал то, что более могло служить на душевную пользу.

Студент N.N. с родственником своим был у о. Архиппа в скиту. Оттуда они все трое ехали в обитель. О. Архипп, обращаясь к N.N. говорит: "Оставь в пост есть мясо, грешно, не прогневляй Бога" (это было в Рождественский пост), гирьки в кармане не держи, а то

попадешься, плохо будет; да и жениться — тоже не думай. Женишься, учиться перестанешь". На расспросы родственника, оказалось, что N.N. действительно ел по постам мясо, думал жениться и в кармане носил так называемый кистень (гирьку) для самозащиты, которую сейчас же вынул из кармана и показал. Пораженный тем, что о. Архипп узнал даже самую сокровенную тайну его сердца о женитьбе, N.N. обещался все исполнить по желанию старца.

Монах Г-ий безвинно был обижен и тайно в келлии выплакал свое горе. На утро встречается отец Архипп и говорит: "Чего ты плакал? Надо все терпеть, это спасательно". После слов старца Г-ий успокоился.

XXVI

Отец Архипп предсказывал предстоящие перемены иноков на послушаниях, предупреждал о несчастьях и вообще многим говорил будущее.

Раз на пекарню пришел послушник. О. Архипп сказал: "У этого голос как у отца Иннокентия, он будет игуменом". Тогда словам Архиппа не придавали никакого значения. 17 сентября 1888 года скончался архимандрит Иннокентий и в настоятели избран иеромонах Исайя, тот самый, которому старец предсказал игуменство более, чем за 20 лет (По замечанию схимонаха Луки, по времени это было первое проявление дара прозрения у о. Архиппа, за 30 лет до его блаженной кончины).

Брат Г., только что поступивший на пекарню, в отце Архиппе сердцем, верующим в правду, познал истинного раба Божия и решился во всем подражать ему. Однажды старец велел ему придти вечером на сеновал кучерского двора, где тогда отец Архипп проводил ночи, может быть для сокрытия от других своих молитвенных подвигов. Когда пришел Г., он говорит: "Ты моего подвига не понесешь: дураком трудно быть, ты должен идти своим путем, будешь монахом и иеромонахом". Последнее предсказание подвижника исполнилось почти через 20 лет.

Инок Тимофей (В постриге Товия) видел во сне, будто отец Архипп его исповедует. Утром, возвращаясь от ранней обедни из ближнего скита, подходит к нему старец и велит читать молитвы перед исповедью, положенные псалмы и повседневное исповедание грехов. В тот же день отец Тимофей по послушанию своему пошел в темную кладовую, через открытый люк упал в погреб и сильно разбился, хотя мог бы убиться до смерти. — "Исповедными молитвами, — говорил он, — старец приготовил меня к смерти и помилован я, может быть, только за его святые молитвы".

Однажды старец встретился с братом N. и говорит ему: "Ударят в щеку, подставь другую". В скором времени N.. как запасный нижний чин, был призван в учебный сбор. Он был дежурным, к нему подошел рядовой и ударил в лицо. Виновного ожидало строгое наказание, но оскорбленный унтер-офицер вспомнил слова старца, правильнее же — Самого Господа, повторенные подвижником месяц тому назад и простил оскорбителя ради Бога.

Как-то пришел о. Архипп в живописную мастерскую своей обители, сел на кровать брата Н-а и стал говорить: "Из монастыря не следует уходить до самой смерти". На следующее утро Н., тайно ушел из пустыни, не вняв предупреждению подвижника.

Имелась ли какая скорбь или неприятность, о. Архипп являлся в живописную с словами наставления, утешения и молитвы.

Отец Иван говорил: "Я часто ходил к о. Архиппу. Однажды он говорит мне: "Хорошо бы тебе быть в больнице, в киновии тебе надо бы, там воздух хороший. Да и в Путивле хорошо, там река; в Заруцком тоже хорошо"... — Батюшка, это не от меня зависит.

"А хорошо бы тебе"... и старец снова стал перечислять, где мне будет почему-либо хорошо. После этого я в скором времени заболел воспалением легких и меня отправили в больницу, потом перевели в "киновию", а когда поправился, назначили в Путивль на Сеймские мельницы. Где только говорил о. Архипп, мне пришлось везде побывать".

Отец И. пришел к о. Архиппу с послушником N. Старец, указывая на последнего, говорит: "Это не наш". — "Он у нас", — сказал И. — "Не наш", — несколько раз подтвердил о. Архипп. Прошло 6—7 лет и N. перешел в другой монастырь.

Когда в Глинскую пустынь перевелся иеромонах Г-дий, о. Архипп говорил ему: "Ненадолго ты пришел к нем, опять уйдешь". Через год с лишком слова старца исполнились.

Послушник Григорий должен был отбывать воинскую повинность. Пришел проститься к о. Архиппу, испросить его молитв и благословения. "Отправляюсь, батюшка, к отбытию воинской повинности, может быть, в солдаты возьмут".

— Садись, пей чай, ни о чем не думай, — сказал пришедшему старец.

Сколько раз Григорий ни начинал говорить о беспокоившем его будущем, отец Архипп не давал ему на нем остановиться, занимал своим разговором, успокаивал и угощал чаем. Григорию выпал большой номер жребия, и он освободился от военной службы. Подобно этому подвижник поступал не один раз. Может быть, его молитвами люди полезные спокойно оставались на прежнем своем поприще, не тревожась переменой образа жизни.

Дворянин П.Б., желая избежать военной службы по жребию, думал поступить вольноопределяющимся и уже готовился держать экзамен. Тогда ему было 18 лет. Бывая в обители, он сказал о. Архиппу: "Хочу поступить в военную службу".

— Зачем тебе в военную службу?

— Все равно, могут взять по жребию.

— Нет, ты не пойдешь.

"В то время, — говорил нам П.Б., — я ни за что не верил старцу, слова его приписал полному неведению правил отбытия воинской повинности. Перед экзаменом я заболел и не мог держать его до отбытия повинности. Болезнь совершенно изменила меня, и я был признан неспособным к службе. Так, вопреки моему ожиданию, исполнились слова о. Архиппа".

К девице N.N. сватался богатый жених. Она спрашивала о. Архиппа, выходить ли ей за богатого. Старец сказал: "Будет пить, да бить. Лучше бедный, да благочестивый". Но N.N. уговорили выйти за того, который сватался. Он стал пить и жену бить. Тогда N.N. вспомнила слова прозорливца и горько раскаялась, что не послушалась совета. Прошло несколько лет, она была в Глинской пустыни и об этом рассказывала отцу настоятелю.

Монах Иосиф по смерти о. Архиппа говорил, что 6 лет тому назад, старец, указывая на каменный больничный корпус Глинской пустыни, говорил: "Повыше больницы, где ограда, будет хорошая кухня".

На том месте в 1897 году (год спустя по смерти старца) построен был новый деревянный больничный корпус. Больничная кухня помещается в конце, ближнем к каменному корпусу. Слова подвижника сбылись в точности.

XXVII

Отец Архипп предсказывал время кончины отцов и братии Глинской пустыни и

посторонних. Благодаря этому, многие имели возможность заблаговременно, насколько могли, приготовиться к лучшему переходу в жизнь загробную.

В августе 1888 года старца видели лежащим и плачущим между главным и левым алтарями соборного храма. На вопрос о причине плача старец отвечал: "Скоро все будете плакать". Через месяц все оплакивали смерть любимого архимандрита Иннокентия. Замечательно, что почивший авва первоначально погребен был на том самом месте, где плакал отец Архип (По возбужденному ходатайству, с разрешения Святейшего Синода на другой год 16 июня, почившего архимандрита перенесли и положили рядом со старцем схиархнмандритом Илиодором. С расширением теплого храма место покоя этих подвижников вошло под храм и там устроена усыпальница, где почитатели их служат панихиды).

При легкой начавшейся болезни братского духовника иеромонаха Аполлония (Скончался 9 августа 1894 г.), отец Архипп за 20 дней предсказал его смертный исход.

Послушник Семен Викторов поступил в Глинскую пустынь в 1891 году и начал работать Господу со страхом и усердием. Это не могло нравиться врагу человеческого спасения, и вот он употребляет обычную свою хитрость: любовью к матери хотел поколебать любовь к Богу: "Похорони мать и тогда беспечально подвизайся в отречении мира (У него было два взрослых брата; они могли упокоить мать.). Семен спросил отца Архиппа; тот, несмотря на здоровый вид брата Семена и представительную наружность, прозревал краткость жизни вопрошающего и советовал остаться в монастыре: "Спеши, не медли, — говорил он, — куй железо, пока горячо, после будет поздно". Семен послушался старца, и приложил особенное усердие к прохождению иноческого жития. Прошло 4 года, Семен заболел и на другой год, постриженный в мантию с именем Смарагда, блаженно скончался, вполне подготовленный к переходу в жизнь вечную.

За 1,5 недели до смерти М.П.Л., когда он был еще здоровым, о. Архипп писал ему приблизительно следующее: "Припомните, как я сидел с вами в Спасо-Илиодоровском скиту. Вы признали необходимым расширить скитскую церковь и обещали на это внести свою жертву. Это слышала Матерь Божия, и ангел-хранитель записал слова ваши в памятную книжку. Спешите же исполнить свое благое желание. Я стар, смерть у меня на носу: свеча жизни догорает, се зрю гроб перед собой... а может быть и вы еще ранее меня умрете, спешите, спешите!"

Это было пророчеством. М.П. скоро заболел. По получении известия о тяжкой болезни этого благодетеля о. игумен с иеромонахом М. и отцом Архиппом отправились к больному. Отец Архипп говорил: "Хоронить едем". По приезде Глинские старцы нашли М.П.-ича в предсмертной болезни. Отец игумен просил совершить елеосвящение. Брат больного сильно противился этому в Виду того, что может быть М.П. поправится; он, вероятно, полагал, что елеосвящение нужно только для умирающих. Отец Архипп, не входя в доказательство спасительности св. таинства, которое на основании слов святого апостола Иакова совершается с тем, чтобы Господь спас болящего, воздвигнул его с одра и простил ему грехи, сказал: "Надо (пособоровать). Бывает — и на стуле умрешь". М.П-ич умер на другой день. Прошло несколько лет, брат М.П.-ича совершенно здоровый, скоропостижно скончался в 1899 году на стуле. О прозорливом предсказании старца многие стали говорить в городе N.. где эти братья жили.

М.П. Я-ская в июле 1895 г. просила старца помолиться за болящую родственницу. "За тебя теперь помолюсь, а за нее после помолится отец игумен", — отвечал о. Архипп. В октябре того же года больная скончалась и М.П. просила настоятеля Глинской пустыни совершить по усопшей поминовение.

Впрочем, не всегда сбывались предсказания прозорливца. Были случаи, что он говорил

о скорой смерти кого-либо, а тот жил долго. Следует ли поэтому отвергать прочие случаи его прозрения? Никак. Следует ли думать, что несбывшееся по предсказанию старца было им предсказано ложно? Нет. Вот Сам Бог повелел пророку Ионе проповедовать разрушение Ниневии; жители ее покаялись, и предсказание пророка не исполнилось, слово Божие не сбылось. Можно ли сказать, что Господь и пророк Его не знали будущего? Подобное бывает и с предсказаниями прозорливцев. Предсказывает прозорливец иному смерть, болезнь, несчастье, но долженствующий иметь их стал молиться, каяться, — и Бог изменяет свое определение, и слово прозорливца является как бы ложным (См. руководство свв. Варсонофия и Иоанна, ответы 360-й и 361-й.).

XXVIII

Много было случаев, доказывающих, что о. Архипп познавал чужие помыслы. Однажды к нему в дальний скит шли четыре инокини. Одна из них (N.) говорит: "У меня голос перерывается, хорошо попросить у старца травки пить". Только подошли к скиту, выходит о. Архипп и подает N. траву; "Вот тебе травка, пей". Ее спутницам дал по сухарику и всех оделил книжечками. "Святой батюшка, — сказала К., — сейчас узнал, что я говорила"!

Псаломщика N.N. отец Архипп спросил: "Как идет твоя копеечная торговля"? Под торговлей он разумел мелкие доходы пришедшего. Тот не понял старца, вопрос его отнес к излишнему любопытству, и подумал: "Схимник, а интересуется какой-то мирской торговлей"? Только что я подумал, — рассказывал N.N., — отец Архипп, потирая лицо руками, говорит: "Вот я и схимник, да интересуюсь какой то мирской торговлей". Прозорливость старца удивила посетителя, с тех пор он не осуждал его.

N.N. предложили сходить к отцу Архиппу, "прозорливому старцу". — "Я не особенно расположена к прозорливцам, хожу к ним посмотреть, без всякой веры". Однако поехала. Отец Архипп говорит ей: "Зачем пришла? Ты не особенно расположена к прозорливцам, ходишь посмотреть без всякой веры"? N.N., удивленная прозорливостью старца, пала на колени, стала молиться, и возвратилась в обитель с верой в прозорливцев. "Чудный старец, он меня поразил", — говорила N.N. сопровождавшим ее.

Монахиня N. заведовала в своем монастыре гостиницей. Послушание это нелегкое: требуется всех принять, всех удовлетворить, всем угодить. Еще хорошо, когда требования простираются в мере возможного. Особенно монахине тяжело было от меньшей братии: странников и странниц. "Сколько народу, надоели мне"! — не раз говорила монахиня с ропотом на тяжесть своего послушания. Потом она сознала вину и поехала в Глинскую пустынь посоветоваться со старцами, была и у отца Архиппа. Как только вышел он к ней, так и сказал: "Сколько народу, — надоели мне!" Монахиня познала прозорливость старца и начала свою беседу с признания в своем ропоте.

Отец Николай говорил: "Прибыл я с целью проситься в пустынь; несколько дней не мог видеть о. настоятеля. Гостинник посоветовал сходить к о. Архиппу. Он тогда жил в ближнем скиту. Просил я его похлопотать за меня и помолиться; обещал, но не просил о. игумена. Я четыре дня подряд беспокоил старца. Последний раз иду к нему и думаю: "Чем мне может помочь схимник, он не казначей, не благочинный, не другое какое-либо должностное лицо?" Только отворяю двери келлии, отец Архипп машет мне рукой и говорит: "Зачем идешь? Я не казначей, не благочинный"... Я просил прощения и скоро был принят по просьбе старца".

Брата Л. обуревали мрачные мысли совершенно о посторонних предметах, не входящих в круг его послушания. Враг спасения, отклоняя нас от самопознания, всегда на погибель нашу указывает недостатки ближних и внушает оставить монастырь. "Это не так, это не по правилам, это вопреки здравому смыслу!.. Спасусь ли я здесь?" Так помышлял недавно

поступивший Л. и перед его мысленным взором настоящее нарисовалось самыми мрачными красками. "Что делать, на что решиться?"... Тут подходит к нему отец Архипп и говорит: "Неужели бежать? — Сиди и нахлобучь себе шапку". После слов старца у Л. пропали все помыслы. "Я, — рассказывал Л., — стал разгадывать значение слов старца и растолковал их так: мне надо сидеть у себя в келлии, не входить в чужие дела и не смотреть на других, а внутрь себя: так нахлобучивший шапку ничего не видит" (Так и святые отцы учат нас, чтобы избегать ненужной многопопечительности, которую всегда старается навязать нам враг спасения.).

Инок М., не постигая причины и цели внешних действий начальников и братии, также часто беспокоился вопросами: "Это почему, это для чего"... Смущаясь сам, он немало смущал и других. В одно время подобные вражеские помыслы особенно сильно его бороли. Подходит к нему о. Архипп и говорит: "Скажу тебе притчу: по реке плывет доска. Мы вытаскиваем ее на берег и производим следствие: откуда она, почему плывет, кто ее пустил? А ты не тронь ее, пусть плывет и все будет мирно. Ты понимаешь значение этой притчи, так и поступай".

Тот же инок, невразумленный предыдущим советом старца, осуждал некоторые порядки обители и в уме своем проектировал различные меры улучшения, с целью извлечь больше дохода. Прошло более месяца. М. приходит к старцу, тот был болен, принял ласково. По некотором времени говорит: "Не гонись за тысячами, лучше понемногу. Тебе надо более о Царствии Божием думать, еще не ушел от геенны".

Послушник-живописец летом расписывал внутри теплую церковь. Входит туда о. Архипп. Послушник подумал: "Хорошо бы, если бы старец сказал что-либо на пользу". Прозорливец подошел к нему и говорит: "Мы не можем поститься и подвизаться, как древние: будем есть, трудиться и смиряться, и Бог помилует нас".

Благочестивая девица N.N., желая более угождать Богу, отказалась от должности учительницы и хотела спросить, хорошо ли она поступила. Старец как только вышел к ней, не дожидаясь вопроса, говорит: "Дома лучше, себя учи, а потом в монастырь" и дал ей один из Глинских листков. Та читает и говорит: "Хорошо, что я пошла к старцу: этот листок открыл всю мою душу".

Однажды во время богослужения отец Архипп подошел к одному брату и, отвечая на его мысли, говорит: "Да, иди в М-скую пустынь, там тебя ждут, там лучше".

XXIX

Послушник N. не имея никакого общения с отцом Архиппом, не мог лично убедиться в его прозорливости и потому неразумно отрицал этот дар в подвижнике. Он неизвестно по какой причине называл о. Архиппа деревом. В одно время N. сильно поддался искушению и когда другие были заняты молитвой, он строил планы: когда и как совершить свое падение и заранее услаждался им. Близ него находился отец Архипп, многократно с досадой тер себе лоб, ерошил волосы и громко говорил: "Ишь, как тянет. О!.. Вот, вот... сидеть нельзя" и проч. Наконец, старец подошел к брату N. и со словами: "Иди, иди к И." (он назвал женское имя), стал тянуть его за руку, а потом, указывая в угол, прибавил: "А вот и диавол, получающий тебя".

Наедине подвижник раскрыл все греховные планы N. Последний просил прощения и святых молитв отца Архиппа. "Я дерево, ничего не знаю", — отвечал ему прозорливец. После этого N. не сомневался в прозорливости старца и в чувстве искреннего раскаяния говорил: "Отец Архипп узнал все мои мысли и все, что во мне было".

Нередко старец Божий, узнавал душевное состояние приходящих к нему (Св. Иоанн Лествичник пишет: "Совершенно очистившийся видит душу ближнего, в каком она расположении".). Укажем еще несколько таких случаев. Монах И. говорил: "Был я на Семеновском хуторе. Ради

святого послушания меня охраняла благодать Божия от различных искушений. Мало-помалу я стал принимать тщеславные помыслы, восхваляющие меня за воздержанную жизнь. Господу угодно было смирить мою гордыню. Однажды сижу один в келлии, входит женщина и просит пить. Напоил ее, она ушла, но во мне сильно восстало греховное похотение, с ним я долго боролся и с ним поехал в обитель. Выхожу из храма, навстречу мне отец Архипп. "А что Семеновка?" — спросил он, пронизывая меня своим испытующим взглядом и как бы видящим всю мою внутренность. Я просил святых молитв у старца. "Иди, твори Иисусову молитву, пока не придешь в келлию" — сказал он мне. Я исполнил его совет и избавился от борющего меня помысла".

Несколько молодых людей пришли к старцу. Он помолился и каждому дал смеси трав, а одному из них дал полыни и сказал: "Сам видишь — и говорить нечего". Тот смутился, а товарищи его удивились, что подвижник через полынь ясно обозначил действительный его характер.

Некая монахиня пришла к старцу, ничего у него не спрашивала, а только просила его святых молитв, должно быть она стеснялась присутствия посторонних. Отец Архипп помолился. Монахиня еще просила помолиться. Так повторялось несколько раз. Наконец отец Архипп сказал ей: "Я грехи твои вижу". Точно этого и ожидала монахиня, поклонилась и вышла.

Некоторым старец говорил: "В тебе я все вижу", а иногда келейнику Н. рассказывал о сокровенной жизни современных ему подвижников Глинских, о которой он не мог знать, если бы не имел дара прозрения.

Отец М. говорил: "Когда я находился в благочестивом настроении, то при встрече со мной о. Архипп ласково кланялся, подходил близко, иногда братски приветствовал в плечи. При уклонении же от богоугодной жизни, когда я обуревался худыми мыслями, старец проходил мимо, точно меня не видел или сурово смотрел и кивал головой. То же я замечал и относительно других".

XXX

Кроме духовной мудрости и других благодатных даров, о коих мы уже упомянули, отец Архипп имел еще дар целения. В подтверждение этого укажем некоторые случаи.

Инок Михаил выздоровел по молитвам схимонаха Архиппа 20 марта 1894 г. и тогда же по памяти записал следующее: "Около месяца я постоянно чувствовал слабость во всех членах, ломоту рук, ног, спины и боль в груди (По книге больницы болезнь его значилась: инфлюэнца.). Несколько дней лежал в больнице (С 21 по 26 февраля 1894 г.). Стало легче, поторопился выписаться, чтобы не запускать своих дел по послушанию, но недели через две болезнь возобновилась. Последние четыре дня (с 16 марта) меня стало тошнить: я не мог принимать никакой пищи, кроме булки и киселя, в самом малом количестве. От этого слабость еще более усилилась: при малейшем движении меня бросало в пот. Голова страшно болела, а ноги, одетые в две пары теплых чулков и под теплым одеялом, не согревались, несмотря на высокую температуру в келлии. Вечером в субботу 19 марта я совершенно ослабел и не мог идти на воскресную крестопоклонную утреню. Все воскресенье 20 марта боль не уменьшалась. После обеда мой сподвижник по послушанию брат Димитрий просил благословения пойти в дальний скит к о. Архиппу. Давая позволение, я сказал ему: "Кланяйтесь старцу и попросите его помолиться за меня. Скажите, что я болен". В 4 часа я сразу почувствовал значительное облегчение: озноб в ногах совершенно прекратился. "Верно о. Архипп помолился за меня", — подумалось мне. Это было действительно так. В 7 часов вечера я почувствовал себя настолько здоровым, что вышел подышать чистым воздухом и прошелся вперед и назад сажен 30. По окончании повечерия брат Димитрий пришел из церкви

и передал мне: "Перед вечерней отец Архипп надел схиму и стал класть поклоны, мне с братом Иваном также велел молиться. Потом говорит: "Будет здоров". Значит Господь послал мне облегчение во время молитвы старца, желая показать, что исцеляет не ради меня, но ради ходатайства Своего угодника. Теперь 8 часов вечера. Я радуюсь облегчению болезни и, благодаря Бога, описываю свое исцеление. Слава Богу, дивному во святых Своих! Слава Богу, давшему нам на земле великих молитвенников! Слава и благодарение Богу за милость ко мне, грешному!"

Послушник А. в 1894 г. долго находился на излечении в монастырской больнице. У него была "пляска св. Витта". По уменьшении болезни, он стал ходить в церковь, но и тогда на него нельзя было смотреть без сострадания: ноги у А. судорожно сгибались, руки тряслись и корчились, губы кривились и шевелились, глаза бессмысленно блуждали. Такое положение несчастного заставило одного монаха сказать отцу настоятелю: "На брата А. невозможно смотреть без жалости; неужели у нас не найдется старца, который мог бы помолиться о его выздоровлении?" В скором времени А. был послан к о. Архиппу. Далее мы будем говорить словами самого старца: "Три дня тому назад пришел ко мне брат А. "Ты ко мне пришел? — спрашиваю его, — Хочешь помолиться? Помолимся: Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй нас, Господи Иисусе... Положил десять поклонов; потом Богородице: Пресвятая Богородице, спаси нас, Пресвятая Богородице спаси нас... (О. Архипп, говоря это, крестился и клал поклоны). Так положил я три поклона, потом одел схиму, взял книгу и начинаю: "Святый Боже", "Отче наш" и молитву "Да воскреснет Бог". Тут он меня напугал: как начал прыгать, даже до потолка!... Мне страшно стало, ушел от него в другую комнатку", а его велел напоить чаем. Ему после того лучше стало". Узнал об этом о. игумен и послушнику А. благословил жить в скиту. Видя несчастное положение брата А., старцы, особенно о. Архипп, не могли не молиться об исцелении болящего и в скором времени А. совершенно поправился.

У брата Петра развилась в сильной степени чахотка, дни его были сочтены, он сам готовился к смерти. В одно время о. Архипп подозвал его к себе и говорит: "Поправишься и поживешь еще". В скором времени по молитвам старца он поправился.

У отца Василия — скитянина была внутри сильная боль, мучился он два дня. Потом говорит отцу Архиппу: "Батюшка, болен". — "Выпей сосновых шишек два раза и пройдет", — сказал ему старец. Горький настой сосновых шишек пить, как чай, даже без сахара, мог только отец Архипп, но Василий исполнил волю старца. Настой на этот раз показался ему очень вкусным. Боль прошла. "Попробовал пить в третий раз, настой для меня показался горьким, как всегда". Так говорил нам отец Василий.

Подобный случай исцеления был с другим братом. Старец велел выпить стакан настоя данной им травы. Послушник ни за что не хотел этого исполнить: "Лучше болеть, чем пить такую горечь", но благоразумие взяло верх. Настой показался ему сладким, понравился, он захотел всегда его пить, но после болезни настой стал по-прежнему для него горьким. Тогда брат понял, что трава сделалась приятной по молитвам о. Архиппа ради его исцеления (Подобным образом по молитвам старца исцелялись многие.).

С переходом отца Архиппа в дальний скит в 1894 году в ближнем скиту (где ранее жил старец), перестали выдавать народу траву. По некотором времени отец Архипп говорил отцу N.: "Надо сказать раздающему листки (в ближнем скиту), чтобы он раздавал траву: через нее исцеления бывают, потому что она дается по благословению и с молитвой. Она (трава) для меня как хлеб, напьюсь и есть не хочется. Другие говорят, она горькая, а мне она сладкой кажется. Пусть бы выдавал также сухари или хлеб. В хлебе тоже молитва и благословение. Многие мне говорили, что наш хлеб помогает в болезнях, веру к нему имеют. Теперь хлеб не дорог, что значит раздать по кусочку 2—3 пуда?" О себе отец Архипп не думал, хотя хлеб и трава имели целебное свойство для других по его же молитве. В состав травы, раздаваемой

старцем, входила небольшая часть мяты, богородицкой травы, более же всего материнка и смородинный лист. От малой щепотки травы, положенной в чайный стакан, настой делался очень горьким, а отец Архипп для себя клал в стакан целую горсть, или же заваривал траву в чайнике. Настой получался густой и пить его для непривычного было невозможно.

Отец Архипп считал себя великим грешником, а исцеления приписывал благодати Божией; иногда некоторым он простодушно рассказывал, что и как у него случилось. Однажды говорил он нам: "На днях была одна женщина взяла меня за схиму и говорит: "Ах, батюшка, я от вас исцелилась, рукой владеть не могла, а теперь владею. По вере подал ей Господь", кротко прибавил старец (2 августа 1897 года одна женщина ходила по кладбищу и искала могилу отца Архиппа. Потом обратилась указать ее к рясофорному монаху Николаю Алексееву, при этом рассказала, что она была больная и молитвами почившего старца выздоровела).

XXXI

Исцеляя других, сам о. Архипп, как видно, не молил Бога о своем исцелении. Напротив, будучи больной, он не жалел своего здоровья, знал, что если Бог не даст смерти, то и больной не умрет, а если пошлет смерть, то и крепкое здоровье не воспрепятствует ей. От долгих стояний в храме в течение многих лет, ноги старца наконец совершенно отказались служить. Это стало особенно заметно года за два до смерти подвижника. Не желая упасть, он, как дитя, перебегал от одного места к другому, где ему можно было за что-либо задержаться или же шел при помощи посторонних. Часто его беспокоили посетители, для них он жертвовал малым своим отдыхом и, несмотря на полное изнеможение, ради св. послушания выходил к ним. Однажды, с целью узнать, где отец Архипп изберет место своего погребения, келейник водил старца по скиту и вокруг скита, прося указать, где будет скитское кладбище. Много мест было указано и ни одно подвижник не назначил для кладбища. А потому предположили, что отец Архипп не умрет в скиту. Так и случилось. Силы отца Архиппа постепенно слабели. С 10 декабря 1895 года он особенно начал готовиться к смерти, пожелал пособороваться и говорил: "Скоро умру". Перед праздником Рождества Христова старец был очень слаб, желудок его не мог переваривать сухой, грубой пищи. Пришлось искусственно поддерживать его пищеварение. Для большего ухода за старцем и большего его успокоения отец игумен благословил о. Архиппу перейти в монастырь. Перед выездом в обитель старца соборовали. Он едва стоял, но не хотел ложиться; от внутренних страданий у него не раз невольно выходил болезненный стон.

13 января 1896 года подвижник перешел в монастырь и был помещен в угловой келлии иеромонашеского корпуса. Здесь старец несколько оправился. Опять начали водить или правильнее сказать носить его в церковь, где он более сидел, вставая только в важные моменты богослужения. В церкви оставался по-прежнему все время, пока совершалось богослужение с раннего утра до обеда. В дни причащения о. Архипп после утрени оставался в храме до утра, пока не заблаговестят утром к акафисту (в Глинской пустыни ежедневно совершаются акафисты до ранней обедни — обыкновенные Богородице, а в воскресенье, вторник, четверг и субботу соборные по особому распределению). В это время старец обыкновенно выполнял свое келейное правило. Сном подкреплялся подвижник два—три часа вечером. В феврале отец Архипп занемог еще сильнее и по несколько дней не вставал с постели.

В конце апреля, по совету доктора, старца поместили "в киновии" среди соснового леса (о. Архипп медицинских пособий не искал и лекарств не принимал). Тут старцу стало легче, он даже принимал некоторых посетителей. В "киновии" все церковные службы и акафисты вычитывались по скитскому уставу Глинской пустыни. В субботу старца возили в монастырь, где он за литургией приобщался Святых Тайн. Кроме служб, в келлии читалось Евангелие, Апостол, Псалтирь и Киево-Печерский Патерик. Старец спал только от 3 до 5—6 часов утра, днем иногда как-будто задремлет, но при малейшем стуке открывал глаза. Ночью подвижник творил Иисусову молитву. Утром, а иногда ночью, старец будил келейника и говорил:

"Вставай, а то проспишь Царствие Божие". Встав — начинали читать утренние молитвы, полунощницу и утреню.

В сентябре отцу Архиппу сделалось хуже. Однажды вечером его посетил отец настоятель; утешая старца, он между прочим спросил, в чем еще нуждается и чего молит у Бога. Отец Архипп, показав на звездное небо, ответил: "Хочу звездочки" и потом прибавил: "Бог всем нам приготовил звездочки, а получить их от нас зависит". Под звездочкой о. Архипп разумел райские обители святых.

Чувствуя себя весьма слабым, он часто стал посылать келейника за духовником. Приходилось 1,5 версты идти ночью лесом и в монастыре многих беспокоить не в урочное время. От этого замедлялось приобщение. В виду такого неудобства, о. Архипп пожелал перейти в обитель. Об этом он 18 сентября просил одного инока передать о. игумену, но тот просьбу его передал на другой день, а ночью старец во сне явился к о. игумену и просил перевести его в монастырь. Утром 19 числа старец уже занимал прежнюю свою келлию, где жил до "киновии". Отрадно было смотреть на старца, который на исходе из сего видимого мира, спокойно взирал на неизбежную для всех смерть: она не страшна была ему, а паче радостна. С мыслью о смерти он сроднился; смерть тела прекращала его многоскорбную жизнь в сей юдоли плача, а там за гробом блаженная вечность!... Только тот, кто в юности своей приобрел веру в Бога, сердцем полюбил христианские добродетели, паче же всего усвоил страх Божий, а в возрасте мужества подвигами благочестия воплотил их в своей жизни, только тот мог так благодушно переносить старческую немошь, тяжелую болезнь и безбоязненно ожидать своего перехода в вечность.

Иноку М-илу старец говорил: "Я дома, ты в гостях". — "Когда совершенно придете домой в обители небесные, прошу, батюшка, молиться об мне", — сказал ему М. Старец на это опять повторил прежние слова. М. рассказывал, что при этом он почувствовал громадную разницу между собой и старцем: "Он уже дома, уже достиг спасения и благонадежен на получение вечного блаженства святых, а я далек от этого, беспечен, как в гостях".

21, 23, 24 и 25 сентября старца причащали Святых Тайн. 22-го числа о. Архипп сказал келейнику: "Умру в пятницу. В пятницу меня особоруйте". Таким образом он за пять дней точно предсказал день своей кончины.

XXXII

Но вот наступила пятница 27 сентября 1896 года, начали хлопотать о соборовании. Старец в этот день утром ходил и говорил; никто не думал, что сегодня предсказание его исполнится. Накануне этого дня келейник отец А. думал: "Старец умрет; надо у него попросить благословения". Сказать этого не осмелился. Ночью видит во сне: будто о. Архипп благословил его иконой Божией Матери и сказал: "Ну вот я тебя благословил". Утром отец А., не упоминая о сне, сказал: "Батюшка, благословите меня". Старец отвечает: "Вот икона, я благословил". При этом указал на ту икону, которой во сне благословлял просящего (Икона Божией Матери, именуемая "Умягчение злых сердец".).

В 11 часов утра подвижника особоровали. Задолго до смерти старца отец настоятель приказал келейнику дать знать, когда будет умирать о. Архипп. Тот просил подвижника сказать о времени смерти. И вот 27 сентября после соборования о. Архипп велел идти и сказать о. игумену, что он умирает, а сам лег и уже не открывал уст своих для какого-либо слова, только на вопрос о причащении тихо ответил: "Причастить". Сейчас же были принесены Святые Дары и его причастили за полчаса до перехода в жизнь вечную. Одр умирающего окружали отец настоятель и многие из братии. Принесена была явленно-чудотворная икона Пресвятой Богородицы; ею авва осенил крестообразно подвижника, потом читали акафист великомученице Варваре и пели отходную. Во время отходной дыхание

старца становилось все тише и реже, наконец он без всякой агонии, тихо, едва заметно испустил дух, точно заснул. Было 3,5 часа пополудни. Трогательно и поучительно было смотреть на блаженную кончину подвижника. Пережитые минуты незабвенны у братии. "Со священными песнопениями они проводили душу старца от земли на небо, где (они верят) светлые ангелы с пением небесным приняли ее и ввели в чертоги Царя славы. Так честна перед Господом и людьми смерть преподобных, души их в руце Божий и не прикоснется их мука (Прем. 3, 1), ибо Всеправедный Бог каждому воздает по делам его: по терпению дела благого, славы (конечно славы небесной), чести и нетления ищущим, воздает живот вечный (Рим. 2, 6—7). Почивший старец в исполнении дела благого имел адамантовое терпение: кто столько вожделевал славы небесной, чести и нетления, как отец Архипп, перенося во всю жизнь свою великие труды и скорби? И неложен Господь, Он даст ему "живот вечный". Блажен почивший, ибо подвигом добрым подвизался, течение скончал, веру соблюдал, духом горяще. Господеви работающе, упованием радующеся, скорби терпяще, в молитве пребывающе (2 Тим. 4, 7 и Рим. 12, 11-12).

Святой Кирилл Александрийский говорит: "Блажен, кто в здешней жизни уничижает и смиряет себя ради Бога: он возвеличен будет Всевышним Богом, и прославлен ангелами и не станет на суде ощную! Блажен человек, который пребывает в молитвах, терпелив в постах, с радостью предстоит на бдениях, борется и прогоняет сон, преклоняет колена на Божие славословие, возводит очи на небо к Господу и размышляет о Седящем на престоле славы, Испытующем сердца и утробы (Апок. 2, 23). Такой насладится вечными благами и соделается другом, братом, сыном и наследником Божиим; лице его возсияет, как солнце в день судный в Царствии Небесном" (Из слова св. Кирилла о исходе души). Поэтому не может быть сомнения, что не забыты у Господа посты и бдения схимонаха Архиппа, его послушание и труды, его слезы и незлобие, его добрый пример и наставления.

Об упокоении блаженного старца все присутствующие положили 40 поклонов.

Отец Архипп просил было похоронить себя в его гробу, а потом сказал: "Лучший будет". Его и хотели положить в тот гроб, но отец настоятель благословил сделать "лучший", а этот оставить на память. Слова старца исполнились. По кончине старца отслужили в келлии соборную панихиду; на следующий день торжественную литургию. В этот день многие не принимались за послушание, ходили читать Псалтирь у гроба старца, служили панихиды, у всех был точно праздник: радость, а не печаль была в сердцах всех братии, — верилось, что душа почившего избавлена от испытания на воздушных мытарствах и прямо перешла в небесные обители. В этом уверяла высокая жизнь старца, блаженная кончина и несколько сновидений братии (Хотя в сновидения не следует безусловно верить, тем не менее в некоторых случаях они служат указанием воли Божией; примеры этому мы видим в священной истории и в жизни святых.), дающих указания о блаженном упокоении подвижника.

Еще при жизни старца один благочестивый инок видел во сне отца Архиппа, стоящего на молитве в светлой и прекрасной обители без окон и дверей. По смерти о. Архиппа, некоторые из братии видели почившего старца или восставшим из гроба, или живым и радостным, или моментально явившимся в преображенном своем естестве: светящемся и благообразном. Особенно замечательно следующее сновидение. Монах Маркелл при погребении о. Архиппа усомнился в его угодности Богу, хотя хорошо знал подвижническую жизнь старца. За несколько дней до сороковой памяти почившего он видит сон, будто о. Архипп лежит в гробу среди большой белой залы; многие шли туда, в числе других шел и Маркелл. Отец Архипп сел; подозвал его к себе. Лицо его было белое, благообразное, "как у святого" (Собственное выражение о. Маркелла.). Подойдя к ожившему, Маркелл поцеловал гроб и подумал: "Удивительно, нет никакого запаха". На эти мысли старец сказал: "Обо мне ничего не думай, не сомневайся, давай поцелуемся". Несколько раз они поцеловались. На сердце у отца Маркелла стало отрадно. "Потерпи немного, тебе будет хорошо, а обо мне ничего не

думай, не думай, что я грешник", — еще подтвердил о. Архипп. Монах Маркелл проснулся с чувством особенной радости и стал верить в святость почившего старца. Отец А., бывший келейник старца, чувствовал боль в груди, ему во сне явился о. Архипп с сияющим лицом и сказал: "Ничего не употребляй, кроме масла от лампадки Царицы Небесной". Когда боль усилилась, отец А. помазал грудь деревянным маслом от явленно-чудотворной иконы Божией Матери, и боль прошла.

XXXIII

29 сентября в воскресенье после литургии отпевание в Бозе почившего схимонаха Архиппа совершал отец настоятель и собор священноиноков. Сей священный обряд походил более на торжество над смертью, нежели на победу смерти над жизнью. Наконец, на могиле пропели еще "Вечную память", и гроб блаженного старца зарыли в могилу, с северной стороны теплого храма Глинской пустыни. Могила находится при дороге в больничный храм (Построенный после смерти о. Архиппа. Дорога тут находилась и прежде.). Для погребения было избрано три места: одно в Спасо-Илиодоровском скиту, другое на братском кладбище, а третье у теплого храма. Жребий указал последнее. Когда стали рыть могилу, один из учеников старца припомнил, что еще весной, указывая из окна келлии место у теплого храма, отец Архипп говорил: "Тут у храма думают поставить крест. Как вы думаете: хорошо ли будет?" — "Зачем тут крест? Там близко дорога", — возражали подвижнику. "Ну, может быть в скиту", — сказал старец и потом, как бы про себя, добавил: "Нет, тут лучше... Поставят, братия будет ходить и креститься". Это же место старец указал келейнику. Однажды он вел подвижника из храма. О. Архипп остановился тут и говорит: "Здесь будет стоять крест". Келейник сказал: "Зачем он тут стоять будет?" Старец отвечал: "Придет время, ты спрашивать не будешь". На другой день по погребении о. Архиппа могилу обложили дерном, поставили деревянный крест и прибили живописное распятие. По ночам на этой могиле, как "звездочка", горит лампадка и напоминает о старце, который, живя на земле, подобно звездочке, горел любовью к Богу. Светом своим лампадка возбуждает братию молиться о почившем подвижнике и самим, подобно ему, желать в небесах получить "звездочку". На обороте могильного креста старца надпись: "Под сим крестом погребен схимонах Архипп, в мире Афанасий Шестаков, скончавшийся смертью праведника 27 сентября 1896 года на 71-м году своей жизни. В обители он подвизался 44 года, и истинно-подвижнической жизнью, смирением и незлобием, по благодати Божией, стяжал дары: памяти смертной, слез, прозрения и целения".

"Духовные мои братие и спостницы, не забудите мене, егда молитеся; но зряще мой гроб (могилу), поминайте мою любовь и молите Христа, да учинит дух мой с праведными". Внимая сим словам церковной песни от имени почившего и, зная богатство добродетелей схимонаха Архиппа, сподвижники поминают его, взаимно ожидая молитв преподобного старца, ибо не сомневаются, что чистая душа его, свободная от бренной плоти, еще сильнее будет молиться за них, еще действительнее ее молитвы перед престолом Вседержителя. На могиле великого подвижника многие молятся, а иногда служат панихиды.

Молитва об упокоении всегда полезна для живых и умерших. Поминовение грешников показывает к ним любовь, и Господь, пришедший грешников спасти, воздает нам за это Своею любовью. Тем более Богу приятно, когда мы почитаем Его угодников. Наша молитва ходатайствует им большую славу и вызывает их молиться за нас перед Господом. Поэтому поминовение о. Архиппа в 9 и 40 дни бдением и соборными панихидами радовало благоразумных. Память праведного с похвалами (Притч. 10, 7). Похваляемому праведнику возвеселятся людие (Притч. 29, 2), бессмертие бо есть память его, яко от Господа познавается и от человек (Прем. 4, 1) и угодна Господеви душа его (Прем. 4, 14). На бдении в 40 день, по благословению настоятеля, сказано было похвальное слово о жизни почившего подвижника. Приводим его здесь, как краткий нравоучительный перечень представленного в жизнеописании старца.

Аще кто мнится мудр быти в вас в веце сем, буй да бывает, яко да премудр будет (1 Кор. 3, 18—19), зане буее Божие премудрие человеков есть и немощное Божие крепчае человек есть (1 Кор. 1, 25).

Истинность этих слов святого апостола Павла жизнью своей вполне подтвердил почивший сподвижник наш схимонах Архипп. Юрод быв Христа ради, он не пожелал знать человеческую мудрость, не пожелал славы, чести или богатства, которых избегал, но понудил себя взойти на крест бесчестия, унижения, скорбей и озлобления, чтобы хотя отчасти уподобиться Подвигоположнику нашему Иисусу Христу. Прискорбности и злострадания, эти враги плотоугодия, помогали ему вести невидимую брань и одухотворяли его, облекая в боголюбезное смиренномудрие. При видимом юродстве, старец мудр был о Господе и весьма разумно, святоотечески, не словом, а делом проходил иноческий тесный и прискорбный путь в послушании и терпении, бдении и молитве, ибо хорошо знал, что нельзя тесно жить без тесноты, скорбно — без скорбей и считать себя идущим узким путем при жизни широкой, вседовольной. Благодаря ревности и вспомоществующей благодати Божией, сей блаженный бескровный мученик, всегда благодушествовал; иго заповедей для него было благо и бремя легко. Не будем распространяться много, скажем о его послушании и довлеет нам. Он 33 года подряд пробыл на послушании в пекарне, исполняя во всякое время самые трудные работы за себя и за других. Это одно ясно говорит о его смирении и терпении. 33 года — половина человеческой жизни! Легко сказать: 33 года, но не легко прожить их на трудном послушании безропотно. Иной нетерпеливый в три года переменит три послушания и более. При всем том отец Архипп в начале подвигов пять лет не имел келлии, приметаясь на полке в пекарне или на грязном каменном полу, вменяя себя за ничто перед человеками. Его оскорбляли младшие, смеялись над ним, а он все терпел безгневно, принимая это как посланное от Бога. Много раз его безвинно били, рвали бороду, он ни слова не скажет, в ноги поклонится, прощения попросит. Таково было незлобие сего дивного терпеливца!

Кроме смирения, простоты и незлобия, блаженное послушание благоговейного послушника привело к бесстрастию, дало ему вожделенный мир души и рассудительность. От духовной рассудительности родилась проницательность, от проницательности — прозрение. Последнее обильно изливалось на душевную пользу братии. Старец предсказывал перемену жизни и кончину братии, предупреждал несчастья и падения, утешал скорбящих и обличал согрешающих, когда на это была воля Господня. Нужно ли упоминать о его усердии к храму Божию, если мы знаем, что о. Архипп не был в храме, можно сказать, только в то время, когда не было богослужения или когда был занят послушанием? Нужно ли говорить о духовных дарах его: постоянной памяти смертной и непрестанной молитве? Это у нас все знают. Нужно ли упоминать о даре слез и целения? И они многим известны. Сила молитв святопочившего старца также испытана. Да разве, скажут некоторые, свят о. Архипп? Да, это мы можем сказать утвердительно. Святость о. Архиппа засвидетельствовал высокопреподобный по титулу и жизни схиархимандрит Илиодор. Указывая на него, старец говорил: "Вот мы видим образец живого святого". Святым отца Архиппа называли многие из мирян, а глас народа — глас Божий, ибо сердцем благочестивых веруется в правду, как говорит апостол, а устами исповедуется во спасение. Глубокая вера почившего, его подвиги также свидетельствуют об угодности о. Архиппа Богу. Благодатные дары его и блаженная кончина показывают нам, что о святости о. Архиппа говорят не только люди, но и Сам Господь. Таким образом в о. Архиппе мы видели живой пример святого человека и истинного подвижника, который еще так недавно жил между нами и оставил по себе живую память, для подражания ему; дорожите этой памятью и возгревайте ее молитвой о старце. Он еще при жизни говорил: "Мимо моей могилы будут ходить братия и молиться". И кто, признательный, не помолится за него? Юные братие, боримые страстями, — молитесь о нем.

Мы веруем, молитвами того, чей дух витает между нами, каждый по вере своей получит облегчение и отраду. По слову св. Кирилла Александрийского: кроткий, тихий и

смиренный Богом похваляется, ангелами ублажается и людьми почитается. Не то ли же делается с кротким и смиренномудрым о. Архиппом?". Почитая память сего великого терпеливца, будем подражать жизни и подвигам его; ибо и нам многими скорбями, терпением и смирением подобает в Царствие Божие внити. Ревность нашего подражания порадует душу почившего подвижника и несомненно вызовет на молитву, чтобы поспешествовать нам. Итак, отцы и братие, приимите образ злострадания и долготерпения на тесном иноческом пути: се ныне блажим терпящего (Иак. 5, 10—11). Тогда и мы за временные труды наследуем нескончаемый покой; за подвиги — венцы, вместо тления — нетление, вместо скорбной жизни — всерадостное блаженство на небесах. Там, как и здесь, восходя от совершенства к совершенству, мы вместе с ангелами будем воспевать величие и милость Царя славы Христа Бога нашего, ибо Ему со Отцом и Святым Духом подобает всякая слава во веки веков. Аминь.

Помолимся и мы, боголюбивый читатель, об упокоении со святыми отца Архиппа, да и он взаимно будет нашим молитвенником у Господа. Мир тебе и вечная память, блаженный отче Архиппе, ибо почил о Господе от трудов своих (Апок. 14, 13). Молись за нас в обителях небесных. Ты ради любви ко Господу оставил всякое наслаждение земное и, прежде смерти умертвил себя греху; ты подвигами побуждал других к подвигам и ободрял труждающихся; ты радовался о преуспевающих и плакал о нерадивых. Возбуждай нас ко спасению, да и мы сподобимся блаженного вечного упокоения со святыми.

Цитируется по книге:
Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Глинский Патерик. «Самшит», 1997 г.